

ОТ АВТОРОВ БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

Ф.К. КАСТ, КРИСТИН КАСТ

18+

ЦИКЛ
«СЁСТРЫ САЛЕМА»

Young Adult. Сёстры Салема

Филис Кристина Каст

Магия беды

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Каст Ф.

Магия беды / Ф. Каст — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Сёстры Салема)

ISBN 978-5-04-168785-4

Хантер и Мерси – сестры-близнецы и настоящие потомственные ведьмы. В далеком 17 веке их прародительницу Сару Гуд приговорили к смерти за колдовство. Но той удалось сбежать благодаря собственной силе. С тех пор род ведьм Гудвилля живет и здравствует, а в их крови течет особая магия. Долгое время девушки росли как обычные школьницы. Но вот настал их черед узнать, что означает быть Стражами пяти врат Гудвилля – древних порталов, разделяющих наш мир и Подземное царство. Когда мать Хантер и Мерси погибает во время очередного ведьминского ритуала, девушки клянутся отомстить за ее смерть. Вероятно, их заклинания позволили одному из монстров прорваться в человеческий мир. Теперь сестрам предстоит объединиться, чтобы обуздать древнее зло, которое вот-вот поглотит их маленький городок. Но хватит ли на это магии? Или жертва может оказаться непомерной, а судьба разлучит сестер навсегда?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-168785-4

© Каст Ф., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Ф.К. Каст, Кристин Каст	5
Пролог	8
Наши дни	14
Глава первая	14
Глава вторая	21
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	42
Глава шестая	45
Глава седьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ф.К. Каст, Кристин Каст

Магия беды

© Краснова Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Моник Паттерсон,
нашему постоянному редактору.
Спасибо за поддержку.
Эта история для тебя!*

Пролог

19 Июля, 1692

Салем, штат Массачусетс

Сара Гуд не раскрывала глаз, когда начали проверять виселицы. Хотя Уступ Проктера находился в нескольких минутах ходьбы от здания суда, куда Сару заключили под стражу, прибрежный ветерок все равно доносил звуки сквозь заделанное решеткой окно над ее головой. Это вселяло ужас. Щелчок рычага, открывающего крышку люка, с металлическим скрипом расколол ночную тишину, за которым последовал глухой хлопок от падения мешка с песком, что использовали вместо тела. Сквозь безмолвную темноту, словно рой ос, ее ужалил саркастический гогот и приглушенные комментарии мужчин, ставших свидетелями испытаний.

Рядом со своей матерью на узкой койке зашевелилась маленькая Дороти, и Сара, стараясь успокоить малышку, погладила худенькую спинку ребенка. Глубоко вздохнула, и запах розмарина наполнил ее легкие. Она изо всех сил сдерживала гнев, охвативший ее. Мало того, что они сфабриковали причину, чтобы обвинить ее в колдовстве, так еще и заточили в тюрьму ее четырехлетнюю дочь, потому что нашли блошинный укус на ее мизинце – *блошинный укус!*

Сара внимала предзнаменованиям, которые указывали ей на надвигающуюся опасность: карканью ворона, три утра подряд залетающего в ее окно; корням мандрагоры, которые оказались гнилыми, когда она выкопала их; и особенно кролику, которого обнаружила мертвым на пороге своего дома. Прислушавшись к предостережениям, Сара подготовилась, однако недооценила угрозу и то, что город ополчится против нее столь быстро или что ее собственный муж пополнит список обвинений.

Впрочем, она не поддавалась панике, пока в один из дней у тесно посаженных прутьев решетки ее тюремной камеры не появился констебль Локер, держа в своей руке маленькую ладошку Дороти. И открыв дверь, не втокнул ребенка к матери со словами: «Что ж, правда восторжествовала. Ребенок признался в колдовстве, как и ее мать, и показал метку Сатаны. Поэтому она останется с вами». В тот день Сара поняла, что город не сможет справиться с охватившей его истерией. Народ не образумится и не позволит ей или ее бесценному дитя

выйти на свободу – а если это и случилось бы, то куда пошла бы ее дочь? Вернулась бы к своему вероломному отцу?

Сара должна вытащить ее отсюда.

Очередной скрипучий щелчок. Хлопок. Смех мужчин в этот раз смешался с редкими аплодисментами.

Дороти беспокойно бормотала, прижимаясь к матери, а Сара мурлыкала под нос знакомую колыбельную и поглаживала малышку по спине. В других условиях она спела бы дочери, но не в эту ночь. Этой ночью Сара пыталась лишь убаюкать ребенка, чтобы та задремала и не поднимала лишнего шума. Все внимание – ее истинное намерение – было сосредоточено на веточке свежего розмарина, которую она медленно и тщательно пережевывала, превращая в душистую мякоть.

Время истекало. Осмотр и проверка виселиц в эту самую ночь подтвердили, что на рассвете ее вместе с четырьмя другими женщинами – добропорядочными хозяйками Мартиной, Хоу, Нерс и Вильдой – предадут смерти через повешение.

Зачем проверять виселицы посреди глубокой ночи?

Полные губы Сары изогнулись в кривой усмешке, когда в сознании всплыл ответ: «Всему виной жестокость, что смешалась с их страхом». Недальновидные люди, правившие Салемом, прозвали полночь Ведьминым часом, но они мало что понимали в этом. Их напускная храбрость должна была отпугнуть Сатану, если тот ворвется в город, демонстрируя свой раздвоенный язык, чтобы спасти женщин, которых преподобный Нойс прозвал сатанинскими прислужницами. Всех женщин заточили в разных частях здания суда, дабы они не смогли объединиться и вызвать своего хозяина.

Сара хмыкнула. Глупцы – все до единого.

Остальные четыре женщины, которых должны были повесить в тот день, были ведьмами ровно на столько же, насколько преподобный Нойс – колдуном. «Пусть Бог этого чудовищного человека даст ему испытать столько крови за все те страдания, что он причинил другим, – подумала Сара. – А я? Если я и буду прислужницей, то только для Матушки-Земли Геи». Сара Гуд верила в Сатану не больше, чем в фей.

Снова щелчок. Хлопок следом.

С каждым разом Дороти все меньше и меньше реагировала на эти звуки. Дочь тихо посапывала, ее беспокойство улеглось, что позволило Саре полностью сосредоточиться на заклинании. Она незаметно прихватила с собой веточку розмарина во время короткого похода с Дороти в отхожее место, чтобы справить нужду. Сара продолжала беззвучно произносить свое желание, снова и снова пережевывая розмарин.

*Аромат дурманит, в память проникает.
Жую-ворожу, мороком окружу.
До трех досчитаю – в сон погружаю...*

– Мя-яу!

Вопль кошки прозвучал прямо за дверью тюрьмы в здании суда – пугающий аккомпанемент к жуткой мелодии виселиц, но для ушей Сары кошачьи стенания были подобны ручью в засушливой пустыне. Она с нежностью потрясла дочь за плечи.

Ребенок мгновенно распахнул свои зеленые, словно лесной мох, глаза.

Сара прижала указательный палец к губам, и Дороти кивнула, в ее глазах светилось осознание происходящего. Девочка не шевельнулась. Не заговорила. И даже не вернулась ко сну.

– Мя-я-яу!

– Матерь божья! – Констебль Грант, младший сторож, который на протяжении всей ночи бродил из камеры в камеру, надзирая за заключенными, замер рядом со своим огромным дубо-

вым столом. Стряхнув пепел своей дешевой сигары на выступ камина, он резко захлопнул Библию, сжав ее в костлявых пальцах, и уставился на дверь.

– Мяу!

Констебль вновь зажал сигару зубами и зашагал к выходу из тюрьмы, в которой вдоль задней стены располагались три небольшие камеры, но занята была только одна.

– Сгинь, поганое сатанинское отродье! – не выпуская изо рта сигару, произнес он и распахнул дверь, махнув Библией в темноту.

Огромная кошка проворно прошмыгнула мимо него, и кисточки на ее ушах слегка подрагивали, когда она устремила прямо к камере, где содержались Сара и ее дочь. Констебль Грант захлопнул дверь и обернулся, только в этот момент заметив существо, пробравшееся внутрь. Он выплюнул сигару, уронил Библию и с недоверием уставился на большую кошку в черно-рыжую полоску, которая лениво терлась о решетку камеры и безудержно мурлыкала.

Сара сжала плечо дочери. Время пришло.

Дороти тут же села, протягивая руки к матери, и произнесла:

– Мапочка! Одиссей! Это Одиссей! – Затем, в точности как они репетировали ранее, девочка подбежала к камерной решетке и протянула руки сквозь прутья, чтобы приласкать кота, который достигал таких необычайных размеров, что затмевал – и пугал – многих деревенских собак.

– Уберите ребенка! Я сказал: «Заберите», госпожа Гуд! Я не потерплю здесь сатанинское чудовище! – Констебль Грант схватил железную каминную кочергу и в угрожающем жесте замахнулся на мурлыкающего кота и улыбающегося ребенка.

Сара издала преисполненный материнским отчаянием писк сквозь пережеванный шарик розмарина, который она держала во рту, и бросилась к ребенку. И когда констебль навис над огромным котом, Одиссей встретился взглядом с Сарой. Она кивнула. Фамильяр глубоко вдохнул, а затем просочился между двумя соседними прутьями и подобно поплавку, вынырнувшему на поверхность воды, ворвался в тюремную камеру, чтобы уютно свернуться калачиком на коленях Дороти.

Констебль Грант с покрасневшим лицом ударил кочергой по решетке и повторил:

– Я не потерплю здесь сатанинское чудовище!

В тот же момент Сара оказалась у решетки. Она подняла взгляд на раскрасневшегося молодого человека, стоящего в нескольких шагах от нее, и выплюнула комок пережеванного розмарина, смешанного с ее заклинанием и слюной, прямо ему в лицо.

Он выронил кочергу. Она с лязгом ударилась о каменный пол, а мужчина издавал странные повизгивания, судорожно вытирая зеленую слизь, которая облепляла его лицо и затекала в глаза.

Сара воздела руки и постаралась найти связь с духом земли. Всем своим существом она тянулась все ниже, ниже и ниже сквозь каменный пол к плодородной земле, притягивая к себе силу, что таилась там, с той же уверенностью, с какой луна взывает к приливам. Она почувствовала, как тепло земли согревает ее кожу и приподнимает короткие волоски на руках, а затем Сара Гуд решительно заговорила; в ее голосе отчетливо слышались уверенность и власть, которые до такой степени пугали мужчин Салема, что те сочли необходимым повесить женщину.

*Розмарин в ночи опьяняет,
Он сознание твоё затуманит
и взгляд с темнотой смешивает.*

Грант охнул, когда она начала накладывать заклинание. Его лицо приобрело бледно-молочный оттенок, пока он покачивался и отчаянно обтирал глаза. Ослепленный, он попя-

тился назад. Его походка была неуклюжей, как будто никак не мог очнуться от ночного кошмара. Продолжая яростно тереть лицо, он рухнул на колени.

*Мысли твои стали смутны,
Пробудившись, ничего не вспомнишь ты.*

– Сатанинская блудница! – прошипел мужчина и, покачиваясь, поднялся на ноги. Не теряя смелости, Сара продолжила свое заклинание.

*Сновидения глубокими будут твои,
Но прежде услышишь слова ты мои:
Брось ключ, брось ключ, брось ключ.*

– Я не подчинюсь тебе! – Констебль Грант вслепую потянулся рукой в карман за металлическим кольцом с ключами и, спотыкаясь, пятился к двери. – Ведьма! Ты никогда не получишь... – Его речь резко оборвалась, когда он ногой зацепился за оброненную ранее Библию. И размахивая руками во все стороны, не удержал равновесия. Ударившись головой об угол стола, Грант замертво рухнул на пол. Ладонь констебля раскрылась, и с музыкальным звоном на каменный пол упала связка ключей.

– Поторопись, Одиссей! – обратилась Сара к коту, который спрыгнул с колен Дороти, еще раз глубоко вдохнул и протиснулся обратно сквозь узкие прутья решетки. Он осторожно подошел к ключам и, подцепив их своими зубами, понес к тюремной камере.

Саре потребовалось лишь мгновение, чтобы открыть дверь. Они с Дороти выбрались наружу, и женщина вновь заперла дверь в камеру, после чего вернула ключи в глубокий карман констебля.

Одиссей тихо зарычал.

Сара кивнула.

– Да-да, я знаю. Но он пробудится без единого воспоминания о случившемся и с опустевшей тюремной камерой. И разнесет историю о том, как ведьма Гуд и ее отпрыск магическим образом просочились сквозь металлические прутья и исчезли в ночи – вероятно, на спине сатанинского скакуна, – то есть на тебе, мой дорогой Одиссей.

Замурчав, огромный кот начал ластиться к ее ногам.

– Его небылицы отвлекут горожан, заставят их призадуматься, отсрочив тем самым мои поиски, чем если бы я просто связала и заперла его.

Одиссей удовлетворенно мурлыкал, когда Сара взяла Дороти за маленькую ручку и открыла дверь.

Ночь была темной, спокойной и благоухающей ароматом розмарина. Сара с замиранием сердца ждала следующей ужасающей череды щелчков и хлопков со стороны виселиц. Следом предсказуемо раздались смех мужчин и аплодисменты, перекрывая любые звуки, которые могли бы сотворить женщина, ее ребенок и их верный спутник, выбираясь из тюремного заключения. Они, прижимаясь спиной к стене, обошли здание суда, а затем, передвигаясь из тени в тень, прокладывали себе путь из центра города.

– Мама! Мама! – резко зашептала Дороти и потянула маму за руку.

С трудом остановившись, Сара наклонилась и взяла дочь на руки.

– Что такое, крошка?

– Ты идешь не в ту сторону.

Сара пересекла еще одну темную грунтовую дорожку и миновала два обшитых вагонкой дома, и только потом ответила:

– Мы отправляемся в новый дом, далеко-далеко отсюда.

– Отец не поедет с нами?

Сара стиснула зубы. Она пригладила спутанные кудри дочери и обуздала свой гнев.

– Нет, милая. Твой отец не уберег нас от беды. Отныне это будет моей обязанностью. – Вертевшийся под ногами Одиссей что-то промурлыкал Саре. Она улыбнулась и уточнила: – Моей и Одиссея.

Лицо Дороти приобрело мрачное выражение, и внезапно она показалась гораздо старше своих четырех лет.

– Мы будем оберегать друг друга.

– Ты права, крошка. Так и будет.

Предрассветный сумрак начал окрашивать небо в серовато-голубоватый оттенок, когда трое беглецов наконец добрались до яблоневого сада, отделяющего западную часть Салема от фермерских угодий и лесов за его пределами. Сара замедлила шаг и отпустила Дороти, чтобы та шла рядом с ней, в то время как Одиссей рысил за ними, лавируя между усыпанными фруктами деревьями, пока они пробирались к старшей из яблонь.

Добравшись до центра сада, Сара с благоговением остановилась перед древнем деревом. Она приложила руку к толстой коре и прошептала:

– Рада встрече, старый друг. Я воздаю благодарность нашей великой богини Геи за тебя. –

Сара улыбнулась, когда над головой зашелестели листья в ответ, хотя не было ни единого дуновения ленивого ночного ветерка. Она подошла к северной стороне дерева, где два массивных корня пробивались сквозь поверхность земли, образуя V-образную волшебную лозу. Тут она упала на колени и, используя острый камень, начала копать.

Совсем скоро ее пальцы нащупали деревянную шкатулку. Сара не стала выкапывать ее полностью. Вместо этого она очистила ее от лишней грязи, открыла крышку и достала суконную сумку, которую спрятала здесь за день до того, как за ней явились. В ней хранились ее сокровища – проводники к новому будущему: дорожные накладки для нее и Дороти, сменная одежда, а также кожаный кошелек со всеми накопленными монетами и ее гримуар, замаскированный под молитвенник. Под книгой лежал кусок ткани, бережно окрашенный в темно-зеленый цвет мха и глаз ее дочери. В него была завернута баночка соли и драгоценный опал величиной с грецкий орех, мягко поблескивающий в предрассветном свечении.

– Сядь здесь, у подножья, крошка, – сказала Сара своей дочери, рассыпая соль вокруг древнего дерева. Затем, посадив Дороти у своих ног и разместив Одиссея рядом, Сара сделала три глубоких вдоха и прижала опал к центру своего лба, обращаясь к высшим силам.

*Камнем и солью земли заклинаю,
Великая Гея, к тебе я взываю.
Веткой дерева путь укажи,
Милостью и добротой поддержи.
Навеки себя я вручаю тебе.
Спаси же своих дочерей поскорей.
Ты к месту силы нас приведи,
От боли и страха их сбереги!*

Договорив свое заклинание, Сара закрыла глаза и представила, что смотрит сквозь собственный лоб в пылающий опал и далее через него – в открывшуюся ей магическую силу.

– О, богиня, будь благословенна! Спасибо тебе, Гея! Спасибо! – вырвалось у Сары, когда от земли начал подниматься зеленый свет. Под ее ногами узкая лента изумрудного оттенка указала на запад. Когда сила Геи проникла через опал, улучшив зрение, тропа вспыхнула и запульсировала энергией, усиливаясь с расстоянием. Она чувствовала ее притяжение, будто была привязана к ней.

Сара открыла глаза и с трепетом склонила голову.

– Я буду следовать твоему пути – отныне и навсегда. Будь благословенна, Матушка-Земля. – Она поцеловала центр опала и повернулась к древнему дереву. Поднявшись на цыпочки, Сара вдавила камень в нишу в коре. – Спасибо тебе, Матушка-Яблоня. Я всегда буду помнить, как ты стояла на страже моего будущего. – И вновь листья над ее головой затрепетали в ответ.

Только после этого она собрала свои вещи и заново погребла под землей теперь уже пустую коробку. Взяв за руку дочь и взглянув на примкнувшего к ним фамильяра, Сара Гуд разорвала соляной круг и направилась на запад, следуя за лей-линиями земной энергии, которая пульсировала словно сердцебиение под ее ногами.

Наши дни Гудвилль, штат Иллинойс – округ Салем

Глава первая

Озеро Гуд представляло собой живописный образец с почтовой открытки: с его берегами, вдоль которых качаются зеленые деревья, и песчаными склонами, плавно погружающимися в кристально-голубую воду. Озеро всегда выглядело красиво, но сегодня каким-то образом оно казалось еще лучше. Может, потому, что сегодня исполнялось шестнадцать лет Хантер Гуд. Или из-за того, что Хантер искала причину, чтобы немного оттянуть время. Так или иначе, она спустилась к краю водоема с полотенцем в руке, выскользнула из футболки и шорт и погрузилась в безмятежную голубизну.

По ее коже прокатились мурашки, и она опустила взгляд на свои ноги, пока ласковые волны с каждым шагом поглощали ее. Вода уже доходила до закрытого топа купальника, но она все еще могла разглядеть свои пальчики – размытые бледные очертания на фоне золотистого песка. Еще несколько шагов, и они исчезли, поглощенные водной гладью, и Хантер поплыла.

Она приподняла ноги, вытянула руки, запрокинула назад голову и закрыла глаза, защитившись от ослепительных солнечных лучей. Ее уши погрузились в воду, пока она дрейфовала на спине. Приглушенное журчание воды создавало впечатление деятельной тишины. Такой вид рокошущей тишины, который волей-неволей погружал в сон. А Хантер всегда любила принудительное затишье. Это отвлекало ее от собственных мыслей. А что еще лучше – отвлекало от собственных воспоминаний.

Лодочный мотор взбудоражил водную гладь и с ревом разрушил умиротворение, в которое наконец-то погрузилась Хантер. Она приоткрыла глаза и позволила своим ногам погрузиться обратно в воду. Черно-красный катер кружил у дальнего берега озера, а потом повернул к центру. Корпус резво ударялся о воду, когда лодка подпрыгивала на белых гребнях волны. Как только катер замедлил свой ход и начал раскачиваться на взбаламученной поверхности воды, на борту раздался хор радостных возгласов и криков.

Волна ударила Хантер в лицо; и она протерла глаза, прищурившись, чтобы разглядеть катер и его пассажиров. Их было *пятеро*. Хантер снова сморгнула капли воды с глаз. Пятеро пассажиров *мужского пола*. И один из них размахивал рукой.

– Эй! – Единственный член экипажа без рубашки стоял на раскладывающемся сиденье и махал руками, как гусь обычно хлопает крыльями. – Ты же ходишь в старшую школу, Гуд, да? Ты – Мустанг.

Лодка подплыла ближе к Хантер. Она оглянулась на пятерых молодых людей, которые выжидающе уставились на нее. Она открыла рот, чтобы заговорить, но не звука издать не получилось. Сердце будто застряло прямо в горле, а пульс отдавался в ушах. Девушка нырнула под воду и поплыла обратно к безопасному песчаному берегу, полотенцу и одежде, которую скинула, не наблюдая присутствия посторонних. Грудь горела от нехватки кислорода, но она продолжала плыть. Она слышала их смех. Он звучал громче, чем ее сердцебиение и звенящая тишина. В средней школе она была любимым объектом для шуток. Два года спустя ничего не изменилось.

Боль в легких заставила Хантер вынырнуть из воды. Она судорожно хватала ртом воздух, выползая из озера, и практически рухнула на аккуратно сложенное полотенце и стопку одежды. Ей не хотелось оглядываться на катер, на мальчишек, видеть их укоризненные взгляды и как

те указывают на нее пальцем, но она должна была это сделать. Без этого шутка не была бы завершённой.

Глаза Хантер жгло. Она смахнула слезы. Плач только усугубил бы ситуацию. Она выдернула из кучи одежды тонкую веревочку и сжала в кулаке Т-образный опаловый кулон, окидывая взглядом стихающие волны, а затем – сам катер. Парни танцевали. Один из них снял рубашку и крутил ей над своей головой. Они прибавили громкость и быстрый рваный ритм музыки донесся до Хантер, когда взревел мотор и катер тронулся с места.

Сдерживаемое дыхание вырывалось наружу прерывистыми хрипами, и девушка упала на колени. Они не смеялись. Не над ней, по крайней мере. По щекам потекли слезы, и она не стала их сдерживать. Они разбивались о берег, каплями окрашивая песок в более насыщенный цвет. Возможно, следующий этап ее жизни будет другим.

Она насухо вытерла глаза, завернула волосы в полотенце и натянула шорты поверх купальника. Кулон свисал с кончиков пальцев, когда она перебросила через плечо футболку и направилась в сторону пристани. Она вновь оказалась одна, словно осуществилась заветная мечта.

Обветшалые доски причала скрипели, когда она не спеша шагала к трем шезлонгам и к блокноту в переплете из искусственной кожи, который она беспощадно бросила ради голубых вод озера Гуд. Хантер встряхнула высушенными полотенцем волосами и собрала их обратно в привычный высокий хвост, после чего, натянув свою футболку, плюхнулась на шезлонг. Она открыла блокнот и застегнула кулон на шее. Провела пальцами по ожерелью и опустила взгляд на чистые, нетронутые чернилами страницы – пугающе белоснежные под ярким апрельским солнцем. Хантер открепила ручку от обложки и, щелкнув ей, выдвинула стержень. За те три недели владения этой книгой в переплете из искусственной кожи она смогла записать лишь одно предложение под своим именем, которое зачеркнула, написала снова, затем вновь зачеркнула и наконец вывела «**Хантер Гуд**» черным маркером на потертой странице с изображением перьев. Дело не в том, что она написала свое имя неправильно, оно просто было... *неверным*.

Именно это в данный момент сдерживало Хантер: *непонимание* того, что ей хотелось подарить читателю. Она должна была стать следующим великим американским автором романов. И вплоть до того, как она приобрела блокнот из высококачественной бумаги в милом букинистическом магазинчике на Центральной улице, Хантер думала, что уже на полпути к успеху. Она даже выбрала название и имена главных героев. Разве не в этом заключались главные сложности?

Хантер потеряла сверкающий опал, висевший на тонкой веревке на ее шее. Купание в озере Гуд должно было очистить голову, но оно лишь всколыхнуло чувства, которые она безнадежно пыталась обуздать. Темная пурпурно-розовая сердцевина кулона завертелась как волчок. Так всегда случалось, когда она пребывала в растерянности, как будто ее чувства превращались в блендер, тело – в источник энергии, а зарождающаяся магия – в молочный фиолетово-розовый смузи.

Она сжала вихрящийся драгоценный камень в ладони и посмотрела на небо. Над озером проплывали пушистые белые облака. Их было слишком много, чтобы девушка смогла разглядеть призрачный след луны на бледно-голубом небе. Без луны – *ее* луны – дневное время зачистую казалось Хантер заклятым врагом. Ей вообще не следовало оставлять карты Таро дома.

Вздохнув, Хантер отпустила кулон и позволила ему лечь на грудь. Он прекратил едва заметно вибрировать, как только потерял контакт с ее пальцами. Удивительно, как простой слой трикотажа заглушал ее магию. Возможно, ее силы было недостаточно. Она разгладила несколько выбившихся нитей из веревки, на которой висел кулон. После сегодняшней ночи она будет наполнена магией до такой степени, что ни одна футболка не сможет встать на ее пути.

От раздавшегося пронзительного мяуканья у Хантер зашевелились волосы на затылке. Секунду спустя шоколадного окраса мейн-кун, с черными и белыми полосами на спине, прыгнул на край шезлонга. Кошка свернулась калачиком в ногах Хантер и зевнула, сверкнув в солнечном свете своими острыми зубами, после чего вытянула свои большие лапы и помассировала голень девушки. Зена постоянно появлялась в городе, чтобы проведать Хантер. Это было и успокаивающим, и настораживающим одновременно.

– Спасибо, что вернула меня на путь истинный, Зена. – Хантер прикоснулась стержнем ручки к белоснежной странице. После всех этих недель она наконец-то взялась за это дело. Вывела слово «Заголовок» витиеватым аккуратным почерком и закончила безукоризненно нарисованной звездочкой сверху.

«Когда восходит тьма».

Она записала этот короткий текст печатными буквами, без каких-либо рисунков по краям. Отсюда начиналась ее серьезная писательская деятельность. И вопрос с названием был закрыт. Она кивнула сама себе и подчеркнула три слова. Да, оно теперь неизменно, будто высечено на камне.

Постучав кончиком ручки по округлому подбородку, Хантер наклонилась вперед и погрузила пальцы в мягкую шерсть кошки.

– А мои главные герои, Мэйси и Митчелл, преодолеют любые трудности, что встанут на их пути, и по уши влюбятся друг в друга... – Хантер перевела взгляд на край пристани, где колыхалась голубая гладь озера Гуд, продолжая почесывать Зену. – Может, они повинны в творческом кризисе... – вслух размышляла она. – Мэйси и Митчелл...

Пальцы Хантер покалывало, когда ее мысли метнулись к другим вопросам. Настоящая проблема заключалась не в Мэйси и Митчелле. Сегодняшний день возглавлял перечень вещей, о которых не следовало бы думать. И так продолжалось последние три недели. Церемония посвящения и врата... Всего этого было так *много*. Ее жизнь должна вот-вот измениться удивительным и магическим образом, но все же. Перемены казались весьма серьезными. Перемены давались ей непросто. И Хантер не была уверена, готова ли к ним.

Зена недовольно зашипела, когда пальцы девушки замерли на ее спине.

Хантер тряхнула головой, отгоняя от себя сомнения, чтобы сосредоточиться на поставленной задаче.

– А что если изменить Мэйси и Митчелла на Мэйси и *Мэдисона*? – Хантер вписала имена под заголовком и подчеркнула каждое из них дважды, а затем вернула свое внимание к недовольной кошке. – В конце концов, разве я не должна писать то, что *хочу сама*?

Доски пристани затрещали, и Зена прижала уши к голове, когда звучные шлепки сандалий становились все ближе и ближе. Эмили Пэрротт помахала рукой, и в этот момент ветерок подхватил струящуюся юбку ее платья цвета подсолнечника, запутав в ногах девушки.

– Проклятая погода! – недовольно воскликнула она, водружая солнцезащитные очки на макушку и поправляя выбившиеся шелковистые пряди. – Ох уж эти Гуд и их *извечное желание делать что-то на грани таинственности*. – Она сделала паузу и подтянула на плечо лямку огромной неоновро-розовой сумки, прежде чем продолжила: – В городе полно отличных мест, где можно устроить самый *лучший* праздник в честь дня рождения. Места с кондиционерами и бесплатным Wi-Fi, что сделало бы вашу нелепую вечеринку, оканчивающую ровно в полночь, более сносной. – Эмили сморщила свой нос и вздернула острый подбородок. – Для меня, по крайней мере.

Хантер захлопнула свой блокнот и застегнула его на замок, который обнаружила в маминной корзине кухонных ведьмовских принадлежностей.

– Вечеринка все равно будет *лучшей*, Эм. Даже без кондиционера, Wi-Fi и с окончанием в полночь. – Горло Хантер сжалось, и она провела пальцами по краям своего кулона.

Хантер не успела схватить гигантского мейн-куна, как Зена прыгнула с лежака и понеслась к Эмили.

Содержимое сумки звякнуло, когда девушка замахнулась ею в сторону кошки.

– Если ты не уберешься с моего пути, я спущу с тебя шкуру и сделаю из нее шарф.

Полосатая кошка выгнула спину и зашипела. Ее распушенный черно-рыжий хвост подергивался в воздухе, словно рыболовная снасть.

Хантер отбросила блокнот и ручку на освободившееся место и поднялась, подхватив на руки комок раздраженного меха.

– Все хорошо, Зена, – пробормотала девушка и потрепала кисточки на остроконечных ушах кошки. – Это всего лишь старая добрая и вечно недовольная Эмили Пэрротт. И она никогда бы не пустила тебя на шарф.

Эмили чихнула в задравшийся подол платья и вытерла влагу с глаз.

– Еще как пушу, котяра. Попробуй испытай меня. – Еще один чих. – Она знает, что у меня аллергия, и пытается меня убить. – Эмили утерла нос платьем и нахмурилась. – *Видишь?* – Протянула ткань в качестве доказательства. – Эта кошка заставляет меня истекать слезами!

Зена таяла от удовольствия, пока Хантер кончиками пальцев чесала ее под подбородком. Мейн-кун расхаживал по Гудвиллю, наблюдая за жителями небольшого городка в штате Иллинойс, еще до рождения Хантер. Зена оказалась рядом в тот самый день, когда Хантер появилась на свет – спокойная и с огромными глазами, как у лани, как говорила ее мать, – пятнадцать лет, триста шестьдесят четыре дня и девятнадцать с половиной часов назад. Но разве кто-то считает?

Изящное тело мейн-куна вибрировало от урчания, пока Хантер гладила ее вытянутую спину.

– Тебе пора, Зена. – Девушка поцеловала ее бело-рыжую макушку кошки. – Спасибо, что проведала.

Зена в последний раз приластилась к Хантер и прыгнула с ее рук. Приземлившись у ног Эмили, недобро посмотрела на высокую долговязую брюнетку и зашипела, прежде чем мягкой поступью направиться к входу с пристани.

– Проваливай, котяра! – выкрикнула Эмили, когда Зена прыгнула на землю и понеслась через полевые цветы, окружающие береговую линию. – Эта кошка не хуже собаки, постоянно преследует тебя и твою сестру.

Хантер положила ручку на блокнот и снова опустилась на шезлонг.

– Ей бы не понравились твои слова.

– Она кошка. Если только твоя мама не обладает каким-нибудь заклинанием, позволяющим говорить по-кошачьи, Зена не поймет, о чем я говорю. – Эмили уронила сумку, и та с грохотом приземлилась на деревянный помост. – Хотя не удивлюсь, если у твоей мамы действительно есть подобное заклинание. Это существо *живет* уже миллион лет...

Хантер поковыряла свой ноготь. Существовали вещи, которые даже Эмили не стоило знать.

– О мой бог, твоя мама владеет кошачьим языком! – Эмили скинула свои шлепанцы и затолкала их под пустой шезлонг рядом с Хантер. – Не могу поверить, что ты скрывала это от меня! Рассказывай!

Ревущие динамики приближающегося катера спасли Хантер от необходимости врать: Эмили раскусила бы ее ложь раньше, чем та слетела с губ девушки.

Спина Эмили напряглась, и она вытянула шею, чтобы лучше взглянуть на пассажиров катера.

– Так-так-так, ты только посмотри на это.

Хантер натянула футболку на подбородок и проследила за глазами Эмили. Черно-красный катер вернулся. Пятеро парней столпились в центре, покачиваясь в ритме пульсирующей

музыки. Один из них с обнаженным торсом присел на корточки. Серебристые банки переливались на солнце, когда он бросал их по одной каждому своему другу.

Эмили приподнялась на цыпочки и спустила тонкие бретели платья с загорелых плеч. Когда она включала свое обаяние на полную, ее привлекательность лилась из нее так же ярко, как сок из молодого надколотого дерева.

Хантер покусывала кончик ногтя, наблюдая за тем, как парни – один за другим – перестают дергаться под музыку и поворачиваются лицом к пристани, выглядя при этом как стадо сурикатов. К горлу девушки подступил комок, и она сильнее вжалась в спинку своего шезлонга.

Эмили же продолжала свое шоу, поправив верх бикини без бретелек, а затем спустила платье по узким бедрам, позволяя ему растечься лужицей у ног. Ни разу не взглянула на катер, на парней или даже на Хантер. Она была одна. Островок, получающий удовольствие от собственной красоты. Девушка даже не потрудилась поднять сброшенное платье. Вместо этого она вышла из него и устроилась на шезлонге.

– Я обожаю красивые виды, а ты? – Она спустила солнцезащитные очки на округлый кончик носа и уставилась на катер.

Хантер потерла пальцами свой кулон.

– Я Хантер, а не Мерси, – не задумываясь, произнесла она эти слова. Слова, которые чаще других слетали с ее губ. Фраза, которая обычно заканчивала любой разговор.

Вздыхнув, Эмили посмотрела на Хантер.

– Ну да. – Взгляд золотистых глаз Эмили скользнул по влажному хвосту Хантер, закрытому блокноту, простенькой белой футболке и скромным джинсовым шортам. – Вы двое, может, и похожи как две капли воды, но я знаю вас со второго класса. К тому же Мерси ни за что не позволила бы себе попасться на глаза без... – Эмили взмахнула рукой перед Хантер, жестом намекая на ее скучный образ. – Неотразимого обаяния. Твоя сестра точно бы не приехала за полчаса до начала вечеринки. – Она накрутила длинный локон на палец. – Хотя Мерси, по сути, *и есть* вечеринка, поэтому она не начнется, пока она не появится здесь.

Хантер сдернула футболку с подбородка и прижала свой блокнот к груди. Прямо к подвеске в виде руны Тюр¹, спрятанной под футболкой. Девушка, продолжая грызть ноготь, перевела взгляд с катера на солнечный свет, отражающийся от мягкой ряби озера.

– А почему ты заявила так рано, Эм?

Эмили поставила свою сумку на колени и вытащила из нее упаковку красных стаканчиков.

– Мама вернулась из Вашингтона, а отец только через несколько дней уезжает на какую-то мерзкую конференцию по бальзамированию в Лос-Анджелес. – Она взяла стакан для себя и протянула упаковку Хантер. – Итак, оба моих родителя дома. В одном замкнутом пространстве и в одно время. И мы все знаем, как они с этим справляются.

Хантер уставилась на ярко-красные пластиковые стаканчики и сглотнула. Ей не хотелось их брать. И не хотелось показаться грубой.

– Прости, Эм, – сказала она и взяла стаканчик.

– Не бери в голову. Это их рук дело. – Эмили качнула головой и, поставив башню из стаканов на пристань, вновь полезла в сумку. Она повела плечами и, достав стеклянную бутылку, открыла крышку. – Давай выпьем за развод.

Хантер поморщилась.

– Это водка?

Эмили нахмурила брови.

¹ Руна Тюр (Воин Духа) – символ бога войны Тюра, олицетворяет силу и мощь. Руна выглядит как направленная вверх стрела с острым наконечником.

– Я принесла ингредиенты, чтобы смешать коктейли. Я же не варвар. – Прозрачная жидкость зашипела, когда Эмили налила немного в стакан Хантер и чуть больше в свой собственный. – У меня есть апельсиновый сок, тоник, клюква, нечто под названием «лимонно-ягодный спритц», который я позаимствовала из маминго мини-холодильника... – Она пожалала плечами. – Выбирайте, чем будете травиться, мисс Гуд.

У Хантер скрутило живот.

– Мне и так хорошо. Я попридержу это для твоего следующего раунда.

– Расслабься, Хан. Знаешь, тебе пора вкусить жизни. – Эмили достала пластиковую бутылку апельсинового сока и добавила в свой стакан значительно меньшую порцию кисло-сладкого напитка, чем водки до этого, прежде чем налить подруге. – Будучи шестнадцатилетней уже целых полгода, я собираюсь дать тебе парочку советов. – Она сделала глоток, скривилась и отпила еще немного. – Парни, девчонки – *да кто угодно* – хотят общаться с легкой на подъем и раскрепощенной девушкой, а не с зажатой девицей, которая спряталась в своей скорлупе. Взгляни на Мерси. Она заполучила Кирка, потому что она дикая, свободолюбивая и чудаковатая, в хорошем смысле этого слова, типа как воздушный змей или единорог. – Она сделала очередной глоток, жестом предлагая Хантер присоединиться к ней, и откинулась на спинку шезлонга. – Независимо от того, нравится ли кому-то из нас Кирк или нет, это не отменяет того факта, что люди желают видеть подобные мелочи.

Хантер провела кончиком искусанного ногтя по своим шортам.

– Люди хотят единорогов и воздушных змеев?

– Точно. – Эмили поморщилась, допив свой коктейль, после чего протянула руку и щелкнула по стакану Хантер. Оранжевая жидкость плеснулась через край прямо на пальцы Хантер. – Я, пожалуй, добавлю немного клюквы. Так вкус будет мягче, – уверенно заявила Эмили, копошась в своей сумке и не замечая создавшегося беспорядка.

Хантер вытерла руку о край футболки. Только потому, что ее простая белая хлопковая одежда не пестрила яркими красками, бахромой и блестками, это совсем не значило, что девушка лишена индивидуальности. Это показывало, что она отличается от своего близнеца. А ей нравилось быть непохожей на Мерси. Что позволяло ей оставаться поддержкой и опорой для импульсивной и склонной вляпываться в неприятности сестры. Если бы они обе были безответственными и вспыльчивыми, весь город пылал бы синим пламенем. Она уравнивала Мерси, а сестра дополняла ее. Вместе они казались совершенными, идеальными друг для друга. Джекс понимал отношения сестер-близнецов. Иногда создавалось впечатление, что он единственный из всех друзей, кто действительно это понимал.

Эмили налила немного сока алого цвета в стаканчик Хантер и выжидающее уставилась на нее. Поднеся стакан к губам, Хантер закрыла глаза. Пахло медицинским спиртом и запоздалым завтраком. Она наклонила стаканчик и сделала глоток. Напиток обжег горло и проскользнул в желудок, словно раскаленная лава. Ее веки резко распахнулись, и она незамедлительно вернула стакан Эмили.

– Это... отвратительно, – между приступами кашля произнесла Хантер.

– Ага, – отмахнулась Эмили, отпив немного огненной жидкости, и вернула свое внимание к катеру с парнями. Она одобрительно вскрикнула, когда один из них скинул футболку и встряхнул своими темными волосами. – Разве тебе не нравится наблюдать за животными в их естественной среде обитания? – спросила она, склонившись к Хантер.

Парень отвесил наигранно вежливый поклон, прежде чем подошел к краю катера и спрыгнул в воду.

– Они здесь не для того, чтобы ты любовалась ими, Эм. Они люди. – Хантер поднесла ноготь к губам и скривилась. Ее пальцы пахли алкоголем.

Эмили моргнула, смотря на Хантер поверх стаканчика, будто ожидая кульминации момента.

Хантер вздохнула.

– Парни просто наслаждаются озером и природой точно так же, как это делаем мы.

Эмили надула свои накрашенные губы и, пошевелив своими длинными ногами, вытянулась на шезлонге словно кошка.

– А я бы хотела, чтобы на меня поглазели. – Она поправила свои солнцезащитные очки и выпятила губы во всем своем утином совершенстве.

В груди Хантер разлилось тепло: как случалось всегда, когда сестра оказывалась поблизости. Будто она сделала первый глоток горячего шоколада в снежный зимний день. Одно из лучших ощущений на свете.

– Мерси здесь, – сообщила Хантер, прикрепляя ручку к обложке своего блокнота. Прошел еще один день ее писательской карьеры, а ни строчки написать не получилось. По крайней мере сегодняшний вечер сможет все компенсировать, если она наберется смелости пройти полуночную церемонию.

Подняв стаканчик к небу, словно собиралась сказать тост, Эмили посмотрела на солнце.

– Пора начинать вечеринку!

Глава вторая

– Пора начинать вечера-и-инку! – Пританцовывая, Мерси направилась по пристани в сторону лучшей подруги и сестры, которые растянулись на шезлонгах. Подняв руки над головой, она покачала бедрами вперед-назад в классическом стиле танца живота, от чего пояс с бахромой ручной работы, который девушка спустила ниже талии, заструился словно водная рябь поверх джинсов-бойфрендов, на которых в течение нескольких *месяцев* она вручную вышила виноградные лозы и цветы. На девушке был надет винтажный топ на бретельках такого же розового цвета, что и бахрома на поясе, а длинные темные волосы водопадом стекали по плечам – ее любимая прическа. Большая потертая кожаная сумочка в стиле «бохо», которую она всегда носила с собой, была перекинута через плечо и ударялась о бедро словно о бубен. Мерси ощущала себя настолько же хорошо, как и выглядела – а она знала, как прекрасна, – потому что Кирк Уитфилд, как и большая часть футбольной команды, следовавшей за ним по пятам, не могли оторвать от нее глаз.

– Пойду найду красный «Соло»! – крикнул Кирк, отправляясь с друзьями на поиски кеги.

– Оки-доки! – ответила Мерси, отправив ему воздушный поцелуй, и с грохотом опустила сумку на свободный шезлонг.

– Подруга, эти джинсы просто *отпад*! – произнесла Эмили, разворачиваясь на своем шезлонге, чтобы смешать для Мерси напиток, и выставляя напоказ свою упругую и округлую задницу, от чего игроки футбольной команды, которые еще не успели направиться следом за своим квотербеком, столпились на пристани позади Мерси и громко ликовали.

Мерси обернулась и прищурила глаза, глядя на стадо баранов-футболистов.

– Черт бы вас побрал! Это всего лишь девушка в бикини. Поднимете свои языки с пристани. Кегу у костра, который нужно, кстати, разжечь, чтобы мы смогли поджарить сосиски и маршмэллоу. Так что вперед за работу, или я исполню биббити-боббити-стерву², и ваши сосиски превратятся в соевую колбасу. – Мерси подняла руку и щелкнула пальцами в сторону футбольной команды, целясь им чуть пониже пояса.

Как и следовало ожидать, игроки быстро отступили и направились к кеге и куче веток и дров, перекладывая свои невеганские сосиски подальше и посылая настороженные взгляды в сторону девушки, потому что не были до конца уверены, что она шутит.

– Знаешь, мама бы отчитала тебя за подобные проделки. Она бы сказала: «Все, что ты посылаешь в этот мир, обязательно вернется к тебе, и это касается не только мыслей и поступков, но и жизненной энергии».

Мерси лукаво улыбнулась, повернувшись к своей сестре-близнецу.

– Верно, но Эбигейл *здесь нет*. – Раскинув в стороны руки, она обняла свою сестру – самого любимого человека на свете, хотя мама стояла на втором месте в этом списке. – С днем рождения, *младшая* сестричка!

– Я действительно не думаю, что, родившись на три минуты позже, стала твоей младшей сестрой. – Хантер произнесла фразу, которую повторяла на протяжении долгих лет, сколько девочки себя помнили, однако обняла сестру в ответ и прошептала: – С днем рождения!

– О-оу, любовь близняшек. – В нескольких футах позади них на пристани, сверкая знакомой кривоватой улыбкой сестрам, стоял высокий игрок с волосами цвета воронова крыла.

Хантер мгновенно вырвалась из рук сестры и бросилась в объятия своего лучшего друга, будто не видела его несколько часов назад в школе.

– Джекс! Наконец-то! Я думала, ты уже не появишься.

² Отсылка к песне крестной-феи из «Золушки».

– Прости. Хотел прийти пораньше, Хан, но тренировка превратилась в суший кошмар, а потом я долго копался в своем почтовом ящике... – Джекс сделал паузу и эффектно достал из-за спины небольшую прямоугольную коробочку. Она была завернута в синюю упаковочную бумагу с принтом из звезд и перевязана серебристым бантом. – Подарок на день рождения! Та-дам!

– О-о-о! Не нужно было, но я очень рада! – заверещала Хантер, подпрыгнув на месте.

Эмили стукнула Мерси по плечу.

– Это не перестаю удивляться тому, что лучшая подруга твоей сестры – чувак.

Мерси пожала плечами.

– Ну, раз ты *моя* лучшая подруга, я ожидаю, что ты преподнесешь мне в честь дня рождения потрясающий подарок с запасом девичьей силы, что посрамит Джекса.

Обе девушки наблюдали, как Хантер вскрывает коробку, а потом визжит от восторга, держа в руках шикарную авторучку, выполненную из блестящего материала.

– О боже мой! Это опал! Ты подарил мне ручку из моего любимого камня! Ты *лучший*, Джекс!

Мерси перевела взгляд на Эмили и выжидающе протянула ей руки.

– Твоя очередь. – Пожав плечами, Эмили протянула ей красный пластиковый стаканчик, который только что наполнила.

– С днем рождения.

Взяв стаканчик, Мерси понюхала содержимое и сделала глоток.

– Это водка с клюквой.

– Знаю, все верно? – ответила Эмили. – Твоя любимая!

– Эм, – вздохнула Мерси. – Тебе придется очень постараться на Йоль³. Ты же не можешь позволить парню превосходить тебя в выборе подарков.

Надувшись, Эмили выпятила полную нижнюю губу.

– Но это твое любимое.

– Верно, и ты получаешь несколько очков дружбы за то, что знаешь об этом. – Мерси вернула стаканчик Эмили. – Которые ты сразу же теряешь, потому что алкоголь сегодня под запретом. Ты должна помнить, что мы с Хан встречаемся с мамой через несколько часов, чтобы отметить наш особый семейный праздник, и поэтому я не могу пить. Придется довольствоваться пивом, и то чуть-чуть.

– Вот черт, извини, – произнесла Эм. – Как здорово, что моя яркая личность – сама по себе подарок.

– Это уж точно.

– Мерси, разве она не идеальна? – Хантер помахала перед лицом своей новой ручкой.

Мерси усмехнулась сестре.

– Ага. – Она посмотрела на парня, который был лучшим другом ее сестры со второго класса, и поделила с ним улыбку. – Так держать, Джекс. Хештег «попал в яблочко».

– А это для тебя. – Джекс пробежался пальцами по своим черным волосам и бросил девушке крохотный пластиковый пакетик.

Мерси открыла его, и на ладонь выскользнул значок с цитатой: «Я не требую уважения к своему полу. Я прошу наших братьев лишь о том, чтобы они сбросили ноги с наших шей», – РБГ⁴. Она подняла взгляд на Джекса.

³ Йоль – языческий праздник, который символизирует начало нового годового цикла и приходится на день зимнего солнцестояния.

⁴ Рут Бейдер Гинзбург – американский адвокат и юрист, активно боролась за равные права.

– Мне нравится. Серьезно. Спасибо, Джекс! – Мерси прикрепила значок к своей большой сумке и крепко обняла широкоплечего приятеля сестры, окутав его своим фирменным ароматом весенней сирени, а он в ответ усмехнулся и ласково похлопал ее по спине.

С дальнего конца пристани раздался глубокий голос с притворными нотками сердечного горя.

– Эй, воу! Я отлучился всего на две минуты, а мне уже нашли замену?

Мерси высвободилась из объятий Джекса и с улыбкой повернулась к Кирку. В руках он держал два стакана с пивом. Где-то по пути между кегой и пристанью он успел сбросить свою рубашку, и тусклый свет заходящего солнца озарял рельефные выступы грудных мышц и бицепсов. Его густые светлые волосы были взлохмачены, и одна прядь упала на лицо, прикрывая один совершенный глаз лазурного оттенка.

– О, пожалуйста, Кирк. Это всего лишь *Джекс*. – Когда он подошел ближе, Мерси встала на цыпочки, поцеловав парня, а потом забрала у него предложенный стакан.

– Который был нашим другом задолго до того, как ты вообще признал существование Мерси, – напомнила Хантер, закатив глаза.

Кирк поднял вверх свободную руку в знак поражения.

– Оу! Я же шучу. Правда, Джексы? – Склонившись, Кирк шутливо ударил Джекса в плечо, отчего Хантер насупилась и уперла руки в бока. Джекс издал неловкий смешок и нахмурил свои густые брови.

– Конечно, Кирк шутит! – Мерси вклинилась между Кирком и своей сестрой прежде, чем та смогла начать *очередной* спор с парнем. – Ребята, только посмотрите, что Кирк подарил мне на день рождения. – Мерси вытащила из-под топа дешевую цепочку из нержавеющей стали, мысленно давая себе установку поменять ее на что-то получше дома, и показала свисавшее с нее кольцо. – Начиная с этого дня, я ношу его перстень выпускника.

– Все верно, детка. Между нами все официально!

– Я твоя девушка, а не собственность. Помнишь? Мы же говорили о том, что эти слова выставляют тебя не в лучшем свете, – сказала Мерси.

– Поэтому я и молчу. – Кирк развел руки для объятий, и его синие глаза игриво сверкнули. – Иди сюда, красавица.

Растаяв в объятиях идеального тела квотербека, Мерси услышала тихое бормотание сестры:

– Мило. Подарок, не стоивший ни гроша, но дарующий ему все.

Мерси проигнорировала привычное ворчание сестры, мечтая о том, чтобы в кои-то веки та смогла поладить с ее молодым человеком, а не придиралась к нему постоянно. Через плечо Кирка она заметила оранжевые и желтые языки пламени. Девушка отпрянула от теплого тела парня.

– Эй, костер зажжен!

– О-о-о! Да-а! – протянула Эмили. – Давайте начнем жарить сосиски!

– Отличная идея. На тренировке по футболу меня стошнило, поэтому я дико голоден, – вмешался в разговор Джекс.

– Фу-у, – выдала Хантер. – Не понимаю, зачем ты занимаешься тем, от чего тебя тошнит.

– Все, что нас не убивает, делает нас сильнее! – парировал Кирк. Он приобнял Мерси за плечи и, едва позволив ей схватить свою огромную сумку, потащил ее с пристани. Когда большая часть компании последовала за ним к месту пикника, откуда открывался вид на безмятежное озеро, Кирк произнес: – Эй, детка, у меня есть для тебя сосиска.

Мерси хихикнула и ткнула его локтем.

– Прекрати! И ты знаешь, что я вегетарианка.

– Я надеялся добавить немного белка в твою диету. – Он пытался прошептать, но его комментарий с легкостью донесся до Эмили, Хантер и Джекса.

Эмили издала звук рвотного позыва. Хантер промолчала, хотя Мерси догадывалась, что позже выслушает от сестры все, что она думает о глупом комментарии Кирка, и мысленно дала себе установку напомнить Кирку – снова – следить за своим языком. Он не притворялся и не хорохорился, когда они оставались наедине. Был милым, чутким и забавным, но как только рядом появляются люди, его неуверенность в себе проявляется наиглупейшим образом.

«Все в порядке, – сказала себе Мерси. – Он исправится, когда мы проведем больше времени вместе, и я докажу ему, что не собираюсь сбегать, как это сделала его мать».

– С днем рождения, Мерси и Хантер! – Толпа, собравшаяся вокруг костра, приветствовала близнецов восторженным криком.

– Вегетарианские сосиски, чипсы и маршмэллоу для всех! – прокричала Мерси. – Врубай музыку! – Она указала на Эмили.

– Синхронизация! – Эмили достала свой телефон и победно закричала, когда последний хит Тейлор Свифт зазвучал из колонки, заваленной между упаковками чипсов.

– У-ух, давай же, Хантер! Идем танцевать! – Мерси схватила сестру за запястье, но Хантер, смеясь, оттолкнула ее руку.

– Не-а. Нет, я не буду с тобой танцевать, потому что ты танцуешь как стриптизерша.

Мерси попятилась к костру, где футболисты танцевали с девчонками из группы поддержки, которые появились на вечеринке под визги и ликование толпы.

– Я не танцую как стриптизерша, – парировала Мерси, крутя бедрами и размахивая волосами из стороны в сторону, как подобает отвязной танцовщице. – К тому же сегодня наш день рождения! Потанцуй со мной, женщина!

– Она определенно танцует как стриптизерша, – произнес Джекс, улыбаясь Хантер кривыми зубами.

– Как обычно, – захохотала Хантер и посмотрела на своего высокого друга. – Я ни за что туда не пойду.

Джекс склонился к Хантер.

– Прекрати капризничать и иди потанцуй с сестрой в этот знаменательный день!

Нахмурившись, Хантер бросила взгляд на свои ноги, как будто земля под ними могла помочь ей с ответом. Она покачала головой и вздохнула, уголок ее губ чуть приподнялся, а бедра начали раскачиваться в такт музыке. Когда Хантер, пританцовывая, направилась к Мерси, музыка резко сменилась и «Ведьма»⁵ разнеслась на всю округу.

– Йе-ес! Это моя песня! – Мерси закружилась, подходя ближе к огню.

– Вот так, детка! Вот почему я включил ее! – Около костра Кирк поманил ее пальцем.

Пока Мерси танцевала с парнем, она незаметно сунула руку во внешний карман сумки и повернулась к костру. Быстро бросив горсть булавовидного плауна в огонь, она подняла руки вверх и задвигалась в такт мелодии, нашептывая огню: «Дерево и лист, древо и огонь, гори ясно, гори ярко, а потом угасни; превратись ты в призрачный дымок – то, чем был когда-то и чем ты станешь вновь». Мерси почувствовала, как вокруг нее пробуждается энергия, словно светлячки, устремляющиеся в ночное небо.

Огонь полыхнул мощным выбросом, и огненный шар взметнулся вверх, заставив всех, кроме Мерси и Хантер, ахнуть.

– Иди сюда, моя ведьмочка! – Кирк танцевал вместе с ней, пока огненный шар превращался в белый дым, поднимающийся от костра, формируя в воздухе очертания большого дуба, который теперь служил для них дровами.

– Эй, как классно! Разве облако не похоже на дерево? – Чей-то голос прорвался сквозь громкую музыку.

⁵ «Witchy Woman» – песня американской рок-группы Eagles.

Мерси улыбнулась себе, почувствовав, как Кирк провел руками по ее бедрам и ухватился за задницу. Грациозно повернувшись к нему спиной, она мельком заметила лицо сестры. Хантер наблюдала за дымкой со знающей улыбкой, но внезапно умиротворенное выражение лица сменилось на изумленный шок. Взглядом девушка нашла Мерси и дернула подбородком на костер, когда несколько ребят закричали.

Мерси повернулась к огню как раз вовремя, чтобы увидеть, как дымчатые контуры дуба сменились на жуткий лик, напоминающий волка, по клыкам которого истекала слюна, – или кого похуже. Кого-то с невероятно длинными зубами, которые не должны существовать в этом мире. В мгновение ока Мерси вновь опустила руку в карман сумки и вытащила маленький пакетик с хлоридом меди, заготовленный на всякий случай. Пока все глазели на клыкастое создание в дымке, Мерси бросила пакетик в огонь. Языки пламени тут же изменили желтый оттенок на синий, рассеяв дым и отправив существо обратно в ад, откуда оно явилось.

Повернувшись, Мерси вновь встретила взглядом со своей сестрой. Хантер жестом попросила ее *подойти*, но рядом вновь оказался Кирк. Он притянул ее к себе и уткнулся лицом в ее шею, напевая на ухо «О-оу, о-оу, ведьма» и совсем не попадая в ноты. Через плечо Кирка Мерси одними губами прошептала Хантер: «Я не знаю, что это было! Подожди, приду через секунду!»

Закатив глаза, Хантер выдала: «Не бери в голову». Прежде чем повернуться спиной к Мерси и взять у Джекса хот-дог, она вытащила из-под ворота футболки свой кулон Тюра и позволила ему свободно упасть поверх футболки, словно щит.

«Ну, она в бешенстве, но откуда мне знать, что это такое?» – размышляла Мерси, пока Кирк кружил ее вокруг костра. – *Возможно, это как-то связано с тем, как наши силы изменяются после сегодняшней ночи, но я знаю об этом не больше, чем сама Хантер. Господи! Когда она уже перестанет беспокоиться обо всем. Мне правда хочется, чтобы она немного расслабилась».*

В эту секунду Мерси почувствовала себя паршиво из-за того, что разочаровала сестру. Конечно, Хантер волновалась – такое случается, когда девочек постоянно запугивают. Пусть они уже подросли, но им по-прежнему приходилось иметь дело с тяжелым эмоциональным грузом, оставшимся после придурков и засранцев. Мерси вздохнула.

«Я пыталась защитить ее, хотя сама всего лишь ребенок...»

– Эй, ты устала танцевать? – поинтересовался Кирк, немного отпрянув от девушки.

– Я... просто... – Взгляд Мерси автоматически переместился на близняшку.

Кирк обхватил пальцами ее подбородок и нежно повернул лицо девушки к себе.

– Не позволяй Хантер расстраивать тебя. Я буду усерднее стараться, чтобы понравиться ей. Обещаю. А ты знаешь, каким обаятельным я могу быть. – И он поцеловал ее нежно, сладко.

– Не позволю, а ты просто очаровашка.

– Прости за то, что выставил себя глупцом раньше, – прошептал он, пока они покачивались в танце. – Во мне просыпается придурок, когда я нервничаю.

Она отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Ты нервничал?

Его голубые глаза пленили ее, словно поймали в свою ловушку.

– Да, конечно. Знаю, что я не самый любимый человек твоей сестры, и мне хотелось сделать этот день идеальным для тебя. Я должен был подарить тебе что-то еще, кроме перстня. Было глупо думать, что...

– Тш-ш. – Мерси прервала его, прижав палец к губам парня. – Мне очень *понравилось*. Лучший подарок *на свете*. И не переживай насчет Хан. Она изменит свое мнение. А сейчас мне нужна сосиска! – Он приоткрыл рот, чтобы вновь выдать очередную тупость, в чем девушка была уверена, поэтому приложила палец к его губам. – Это один из тех поучительных уроков, о

которых мы говорили. Не нужно отпускать пошлейшие шутки каждый раз, когда я произношу «сосиска».

Он рассмеялся.

– Понял! А теперь пойдем найдем тебе сосиску!

Мерси решила, что они уже достигли прогресса, пусть и небольшого. Она искала Хантер, пока вместе с Кирком направлялась к грилю и хот-догам, но сестра общалась с Джексом и не смотрела в ее сторону. Мерси сдавленно вздохнула.

«Все будет хорошо. Хантер привыкнет к Кирку, а Кирк привыкнет к Хантер, и я обрету свое счастливое будущее».

Глава третья

Мерси наконец-то заприметила свою лучшую подружку, идущую со стороны общественных туалетов, и поспешила ее перехватить.

– Эй, Эм, ты не видела Хантер?

– Божечки, эти штуки такие *чертовски отвратительные*. – Эмили скривилась и осторожно вытерла руки о джинсы. – Прости, что ты сказала?

Мерси вздохнула.

– Хантер. Видела ее?

– О да, она тусовалась с Джексом весь вечер. – Она указала пальцами в сторону озера. – Кажется, они делают фотографии луны с пристани, что весьма странно, но определенно в стиле твоей сестры.

– Мама подарила ей кучу примочек для телефона, чтобы Хантер могла снимать ночное небо. – Мерси покопалась в своей бездонной сумке и проверила телефон. – Вот блин! Уже половина двенадцатого! Нам пора убираться отсюда, если хотим успеть домой до полуночи.

Быстро набрала сообщение:

«ТЫ ГДЕ?»

Затем Мерси осмотрела толпу полупьяных подростков. Кто-то танцевал у костра, кто-то обжимался в темноте, а компания девчонок из группы поддержки решила поплавать голышом – или как это называется, когда оставляешь на себе только трусики и лифчик и с визгом прыгаешь в озеро с пристани.

– О, чертов кровавый ад! Это Хантер на краю пристани? Она же не собралась сигануть в озеро в чем мать родила, да? Она не успеет обсохнуть до встречи с Эбигейл! – Мерси рванула к воде, но тяжелая рука Кирка на плече остановила ее.

– Я правильно расслышал, или ты пр-р-произнесла волшебное слово «голышо-о-ом»? – едва разборчиво произнес он, навалившись на нее.

Повернувшись, Мерси нахмурилась.

– Не сегодня.

«Я же просила его не напиваться!»

Она стряхнула его руку с плеча.

– Мне нужно найти Хантер. Ты же знаешь, мама ждет нас домой к полуночи.

Он наклонился, и девушку накрыл запах алкоголя.

– Разве ты не можешь немного опоздать?

– Нет. – Эмили втиснулась между ними и уперла кулаки в бедра словно Чудо-Женщина. – Они не могут. Эбигейл классная, но, когда дело касается семейных традиций, с ней шутки плохи – особенно это касается парней, которые напиваются в компании ее дочери. Отвали, Кирк. Протрезвей. Пока-а-а. – Она подхватила Мерси под руку и обвела мимо Кирка.

– Я напишу тебе завтра! Пожалуйста, не садись сегодня за руль. – Мерси поцеловала его и помахала рукой.

– Эй! Я думал, что сам отвезу тебя домой!

– Ты пьян, – ответила Мерси, но подарила ему свою улыбку. – Все в порядке. Оставайся. Повеселись. Только не садись за руль. Увидимся!

Эмили промолчала, что заставило Мерси тяжело вздохнуть.

– Ты тоже ненавидишь его, да?

– Не-а. Он высокий, горячий капитан футбольной команды. Мне не за что его ненавидеть. Мерси подождала, и когда Эм не стала продолжать свою речь, подначила ее:

– Но?

– Никаких «но». Я твоя лучшая подруга. Если он тебе нужен, то я тебя прикрою. И помогу, если он попытается совершить нечто глупое, вроде этой попытки сесть пьяным за руль. Я знала, что мне придется везти вас двоих домой до полуночи, поэтому перешла на воду несколько часов назад. Если он не в состоянии нести ответственность за свои поступки, тогда и ты не сядешь к нему в машину. Вот и все.

– Как бы я хотела, чтобы Хантер разделяла твои взгляды. Меня бесит ее ужасное отношение к Кирку.

Эмили остановилась и повернулась к подруге.

– Хантер – твоя близняшка. Она просто защищает тебя, как ты всегда заступаешься за нее. Именно так вы двое поступаете. Помогаете друг другу. Я вижу. Знаю об этом с первого дня второго класса, когда мы познакомились. Перестань сердиться на нее из-за этого и начни работать над тем, чтобы Кирк производил впечатление получше.

Мерси пожевала губу.

– Это я и пыталась сделать сегодня.

Эмили фыркнула:

– Подруга, старайся усерднее. Я видела, каким милым был Кирк с тобой, но с остальными? Не очень.

– Ладно, я поняла. И ты права. Я просто...

Хантер торопливо шагала к ним.

– Вот ты где. Поехали! Мы опаздываем.

– Хан, я искала тебя всю ночь, – ответила Мерси.

– Серьезно? Ты не отрывалась от губ Кирка всю ночь. – Хантер прошла мимо них, направляясь к заросшей травой стоянке, где была припаркована машина Эмили.

Мерси ничего не сказала. Не помогал и тот факт, что Хантер была права, но она не понимала, *почему* он не помогал. Она рывком открыла пассажирскую дверь и уже собиралась опустить свою бохо-сумку на пол, как Эм, опередив ее, выдвинула сиденье вперед и указала на пустое заднее сиденье кабриолета «Форда Тандерберд» 1966 года – подарок Эмили на шестнадцатый день рождения от родителей, который они преподнесли ей спустя три месяца после праздника, потому что оба забыли о нем.

– Нет. Вы обе садитесь туда. Вместе. Сейчас же, – потребовала Эмили.

Мерси и Хантер забрались на заднее сиденье и молчали, пока Эмили ехала по извилистой дороге, которая огибала озеро Гуд и сводилась к двухполосной дороге, ведущей в центр Гудвилля.

– Ладно. С меня хватит. – Эмили посмотрела через зеркало заднего вида на близнецов. – Мерси-Хантер, я ненавижу, когда вы двое ссоритесь. Знаете, почему?

– Э-э-э, – тихо произнесла Мерси.

– Я ненавижу это, потому что вы практически никогда не ругаетесь, а если это все-таки случается, как будто чертова Земля сходит со своей оси, но дерьмо случается. Так что исправляйте это прямо сейчас и прекратите так себя вести. Господи! У вас сегодня день рождения!

Мерси искоса взглянула на Хантер. Она ковыряла ногти – признак того, что девушка была расстроена.

– Хан, я бы хотела, чтобы ты дала Кирку шанс, – начала Мерси.

– А мне бы хотелось, чтобы ты переступила через свои гормоны. Он подонок, – парировала Хантер.

Отодвинувшись, Мерси посмотрела на сестру.

– Он ведет себя так только с вами, ребята, потому что вы заставляете его нервничать.

– То-о-очно. Я заставляю его нервничать. Это он тебе сказал?

– Да, Хан, под всем этим...

– Токсичная маскулинность.

– *Нет*, под всем этим напускным образом мачо скрывается милый мальчик, который скучает по маме. Сильно. – Мерси вздохнула. – К тому же теперь, когда я с Кирком, у нас все получилось! Нас приглашают на самые крутые вечеринки, Хан, и мы обзавелись множеством новых друзей.

Хантер закатила глаза.

– Ты имеешь в виду, что *тебя* приглашают на самые крутые вечеринки и *ты* обзавелась множеством новых друзей.

В отчаянии Мерси всплеснула руками.

– Да боже ты мой! Тебе просто нужно *принимать хоть какое-то участие*, и тебя тоже будут звать.

– Не знаю, хочу ли участвовать в этом. – Хантер покачала головой. – Не с ними.

Мерси прикусила губу. «*Почему Хантер не может оставить прошлое в прошлом? Над ней не издевались уже целую вечность. Разве не может она просто переступить через это?*»

Мерси вновь вздохнула.

– Послушай, я не хочу с тобой ссориться, особенно сегодня.

Вдох Хантер стал отражением действий сестры.

– Да, я тоже. Извини. Мне просто не нравится, как Кирк с тобой разговаривает.

– Он *не* разговаривает со мной так, когда мы наедине. Ты мне доверяешь?

Глаза Хантер перескочили на нее.

– Конечно, я доверяю тебе.

– Тогда прими мой выбор.

Хантер вновь начала ковырять ногти.

– Я буду работать над этим. Обещаю. И прости, что избегала тебя сегодня вечером.

– Прости, что позволила какому-то парню встать между нами. Обещаю, что такого больше не повторится. И если Кирк на самом деле окажется подонком, я брошу его быстрее, чем Зена заставит Эм чихать. Слово Гуда? – Мерси подняла руку.

– Слово Гуда! – Хвост Хантер подпрыгнул, когда она кивнула и оттопырила мизинец, который Мерси поймала своим собственным. Не разъединяя мизинцев, близняшки постучала костяшками друг о друга, затем расцепили пальцы и симитировали ими полет птиц, воскликнув: – Салемские сестры!

– Обнимашки? – спросила Хантер.

– Стопроцентные обнимашки. – Мерси притянула сестру к себе и крепко ее обняла.

– Да-а-а! Вот это мои близнецы! – Эмили улыбнулась им в зеркало заднего вида. – И это была супервеселая вечеринка, хотя я не знаю, что, черт возьми, произошло с тем пугающим зверем в дымке костра. И Мерси Энн Гуд, я обращаюсь к тебе.

– Эй, я тоже не знаю! Я лишь хотела проделать маленький трюк с деревом. Вы должны были увидеть только классный дуб. Не понимаю, что пошло не так.

– Подожди, кажется, я знаю, что случилось, – произнесла Хантер. – Ты вызывала только дуб?

Мерси кивнула.

– Да, я проверила все дрова перед тем, как развели костер – ну, издалека, – но все это выглядело как тот старый дуб, который расколола молния прошлой весной. Его распилили и оставили неподалеку, чтобы люди могли разводить костры.

– Там был не только дуб. Помнишь яблоневый сад перед въездом на озеро?

– Я поняла, о чем ты. Яблоневый сад мистера Колдуэлла, – сказала Эмили. – Когда нам было по тринадцать, мы с Мерси однажды летом объелись зелеными яблоками оттуда, и потом у нас разболелись животы. Помнишь, Мерси?

Мерси вздрогнула.

– Такое нельзя забыть.

– Прошлой зимой ледяной шторм уничтожил самое старое дерево. – Хантер потуже затянула свой хвост, пока объясняла все девочкам. – Мама рассказывала нам об этом. Мистер Колдуэлл звонил ей и узнавал, можно ли его спасти, но было уже слишком поздно. Помню, как она упоминала, что яблоневого дерева распилили и передали кемпингу.

– Хм. Я перепутала дрова. Все равно странно, – отметила Мерси.

– И *вдвойне* странно, потому что это была *яблоня*. – Хантер прикоснулась к своему кулону и поделилась с сестрой *тот самый взгляд*. Никому из них не требовались слова, чтобы понять значение этого вида дерева именно в эту ночь.

Эмили взмахнула рукой, переключая внимание сестер.

– Эй, а вы никогда не задумывались о том, что случившееся могло быть чистой случайностью и скорее связано со странным дымом, вызванным зажигательной бомбой из плауна, чем с вашими колдовскими штучками? Без обид, но это звучит куда логичнее, чем то, что ты действительно что-то наколдовала из дыма.

Мерси и Хантер переглянулись и понимающе улыбнулись.

– Ты права, Эм, – ответила Мерси.

– В этом *гораздо* больше смысла, – добавила Хантер.

– Ну, в любом случае вечеринка удалась на славу. И теперь, когда вы двое вернулись к своей нормальной близости на ментальном уровне, все в мире встало на круги своя.

– Ой, вот черт! Я идиотка! Я не отдала тебе... – начала Мерси.

– Твой презент! – закончила Хантер.

– Мерси, ты *не* британка. – Эмили откинула копну темных кудрявых волос назад, смахнув их с лица, и посмотрела на свою лучшую подругу через зеркало.

– Как и ты! – хихикнула Мерси. – Я первая! – Она копалась в своей сумке, пока не выловила небольшую коробочку, обернутую в серебристую фольгу, и не протянула сестре.

Хантер потрясла ее и затем вскрыла упаковку. Она открыла коробку, и глаза девушки расширились.

– Святой Тюр! Они невероятно роскошны! Ты не должна была, Мэгс. Они же дорогие. – Проникающий сквозь боковое окно лунный свет искрился на сережках-гвоздиках с лунным камнем, обрамленным белым золотом и украшенным маленькими бриллиантами.

– Выражение твоего лица стоило каждой секунды, которые я потратила, подрабатывая няней, чтобы заплатить за них.

– Серьезно? *Поэтому* ты сэкономила последние шесть месяцев? – поинтересовалась Эм. – Почему ты мне не сказала?

– Потому что ты не умеешь хранить секреты, касающиеся подарков! – одновременно выдали сестры. Потом они засмеялись и в один голос сказали: – Проклятие!

– Я лучше всех умею хранить секреты, – проворчала Эмили.

– Да, это точно, если они не затрагивают тему подарков, – ответила Мерси. – Но не переживай. Мы все равно тебя любим. – Она протянула руки сестре. – Отлично, я готова!

– Ты так уверена в том, что я тебе что-то подготовила, еще и ношу это с собой.

– Конечно, у тебя есть что-то для меня. Вероятно, что-то небольшое, что ты смогла бы уместить в своей смехотворно маленькой сумочке.

– О, да брось. Что здесь смехотворно, так это твой чемодан, который ты повсюду таскаешь с собой. – Нагнувшись, Хантер пошарила рукой за сиденьем перед ней.

– Да, но, если случится зомби-апокалипсис, я буду готова. – Мерси похлопала стоящую рядом с ней объемную сумку.

– Только не говори, что ты спрятала презент у меня в машине и *ничего мне не сказала*, – заверещала Эмили.

– Хорошо, мы не скажем, – дружно произнесли Хантер и Мерси.

– Прекратите эти жуткие синхронные фразочки, – заявила Эмили и добавила: – И я могу хранить *такие* секреты.

– С днем рождения. – Хантер передала Мерси узкую коробку. Она обернула ее зеленой упаковочной бумагой, украшенной виноградными лозами.

– О-о-о, какая прелесть! – В отличие от сестры, Мерси аккуратно отклеивала каждый кусок клейкой ленты и разгладила бумагу, вытащив из нее коробочку. Она открыла крышку и ахнула. – Хантер! Это идеально! – Мерси погладила тонкую пачку кусочков винтажного кружева, а затем подняла каждый, чтобы внимательно рассмотреть их уникальную красоту. – О богиня! Я столько всего крутого сделаю из них!

– Не могу дождаться, когда увижу результат, – произнесла Хантер. – С днем рождения. Люблю тебя, близняшка.

– С днем рождения, я тоже люблю тебя, близняшка.

В зеркале заднего вида весь оставшийся путь до дома им улыбалась Эмили.

Мерси нравилось все в старом викторианском доме, который принадлежал семье Гуд с середины девятнадцатого века. Это был последний дом в северной части Центральной улицы, за которым располагались многочисленные акры кукурузных или – в зависимости от года – бобовых полей. Сейчас шел год кукурузы, и их стебли уже сравнялись с ростом сестер. Мерси нравилось, что созревшая кукуруза скрывала от посторонних глаз их дом и обширные сады, занимавшие пять акров земли, где находился пруд с карпами кои и фонтан со статуей Афины – богини-покровительницы их матери, – на ее голове был шлем с перьями, на плече сидела сова, а изо рта дельфина, расположившегося рядом с ней, извергались потоки воды. И конечно же, в одном из закоулков, окруженном сиренью и обрамленном кованой оградой, увитой глицинией, располагалось тщательно ухоженное фамильное кладбище.

Это было излишне, но и весь викторианский дом был выполнен в подобном стиле. Большая часть фасада была выкрашена в маслянисто-желтый, а декоративная отделка сочетала в себе пурпурные, малиновые и темно-зеленые цвета. Двойные парадные двери были красные, как и само крыльцо. Цвета бычьей крови, как любила напоминать им мама. Во время каждого ремонта в краску на самом деле подмешивали настоящую бычью кровь, а также защитные заклинания.

– А вот и мои именинницы! И как раз вовремя. Вечеринка удалась? – Эбигейл Гуд обняла каждую дочь по очереди, когда они вошли в дом. Не дав им шанса ответить, сразу поторопила их: – Вам нужно подняться наверх и переодеться. Быстро. После встречаемся на кухне и вместе подготавливаем все необходимое для ритуала. – Эбигейл мягко подтолкнула их в сторону лестницы, решив, что они двигаются недостаточно быстро. – Поторапливайтесь! Сегодняшняя ночь слишком важна, чтобы опаздывать хоть на минуту.

Близняшки помчались по винтовой лестнице в свои расположенные по соседству комнаты. Мерси кинулась к шкафу. Она повесила вешалку со своим церемониальным платьем на закрытую дверь шкафа и, не совладав с собой, с трепетом провела пальцами по витиеватому узору из виноградных лоз, цветов и соколиных перьев – одним из любимых символов богини Фрейи⁶. Мерси понадобился целый год, чтобы закончить вышивку. Крой платья был прост – кремового оттенка пеньковая ткань свободно струилась вниз от каплевидного выреза. Мерси погладила материал.

– Мягкая, словно шелк, но вышивать намного проще, – прошептала она себе. Именно ее умелые руки превратили платье в нечто особенное: Мерси кропотливо украшала вырез, рукава и пышный подол юбки символами, прославляющими землю и избранную ею богиню. В отличие от Хантер, она не носила амулет, олицетворяющий богиню. Вместо этого Мерси представляла

⁶ Фрейя – богиня плодородия, любви, красоты в скандинавской мифологии.

Фрейю частью самой земли, поэтому каждый цветок и дерево, даже каждая травинка символизировали ее богиню.

Мерси поспешила переодеться и счастливо вздохнула, когда платье скользнуло через ее голову и по телу с нежностью воды. Она наскоро причесала волосы, надела большие серебряные серьги-кольца, которые приберегала для сегодняшней ночи, и за каждое ухо нанесла по капле самодельного масла сирени, который так сильно любила, и закончила свой образ излюбленным розовым блеском для губ. Мерси подарила своему отражению в зеркале дерзкий воздушный поцелуй, перекинула через плечо сумку и едва не врезалась в Хантер, когда выскочила за дверь.

– Блин, Мэгс, осторожнее! – Но раздраженный хмурый взгляд Хантер сменился мягкой улыбкой. – Вау. Я не видела его с тех пор, как ты закончила вышивку.

– Тебе нравится? – Мерси покрутилась, и пышная юбка платья завертелась вокруг ее длинных ног.

– Да, очень нравится. – Прочистив горло, Хантер нервно разгладила руками свое платье. – Что думаешь? Слишком простое?

Мерси склонила голову и осмотрела близняшку. Хантер остановила свой выбор на платье-тунике с коротким рукавом, больше похожем на длинную футболку. Оттенок ткани казался необычным. Напоминал только что распустившиеся бутоны фиолетовых анютиных глазок, омытые в серебряном свете полной луны. Ноги девушки выглядели стройными и крепкими – и притягательно симпатичными, особенно потому, что она надела простые завышенные кроссовки. Платье было лишено каких-либо украшений, что только подчеркивало Т-образный амулет – ее единственный элемент декора.

Мерси нежно прикоснулась к рукаву Хантер.

– Этот цвет идеален, Хан. Серьезно. В точности как центральная часть твоего амулета.

Улыбка Хантер осветила сестру подобно солнечному лучу.

– Ты правда так думаешь?

Мерси кивнула.

– Да. Я уверена. Мы выглядим фантастически! Эбигейл будет так счастлива! Идем. – Она схватила сестру за руку, и они вместе помчались по лестнице на кухню. Прежде чем они успели войти, Мерси дернула Хантер назад и прошептала:

– Подожди. Разве тебе не нравится наблюдать, как она возится на кухне?

– Да. Она прекрасна, не правда ли? – едва слышно произнесла Хантер.

– Словно богиня, – согласилась Мерси.

Сестры стояли, держась за руки, и смотрели, как их мама, напевая незнакомую мелодию, собирает необходимые вещи из просторной кладовой и аккуратно складывает их в корзину, которая, казалось, была ее неотъемлемой частью. Раньше Мерси думала, что ее мама настоящая богиня, и только став старше, поняла, что женщина – лишь смертная, поклоняющаяся богине, но это не умаляло ее красоты и магической ауры, витавшей вокруг нее, как аромат корицы и специй, которые она часто использовала во время готовки.

Эбигейл Губ недавно исполнилось сорок шесть лет, но она с легкостью сошла бы за девушку на десяток лет младше, особенно учитывая, что в эту ночь она надела свой любимый ритуальный наряд – светло-серое шелковое платье в пол, которое казалось простым, но крайне эффектным. С левой стороны груди примостилось единственное украшение к платью – сова, которую Эбигейл скрупулезно вырисовывала на шелке. Ее длинные каштановые волосы обычно были убраны назад в симпатичный французский пучок, из которого выбивались всего несколько прядей. Но сегодня, как и в каждую ритуальную ночь, они свободно струились по спине, темные и кудрявые.

Не поворачиваясь, она прокричала:

– Девочки! Нам пора!

– Господи, Эбигейл, не надо так кричать, – сказала Мерси.

Мама девочек вздрогнула и прижала руку к сердцу.

– Пресвятая Афина! Ты доведешь свою старую мать до сердечного приступа!

Хантер фыркнула:

– *Старую*? Ты ведь не считаешь себя старой на самом деле.

Засунув в рот имбирное печенье и не успев его прожевать, Мерси пробурчала:

– Эбигейл, ты не состаришься до тех пор, пока не начнешь носить лифчик.

Мать посмотрела на свою большую, но в то же время упругую грудь.

– Ну, тогда я навсегда останусь молодой. – Когда ее взгляд вернулся к девочкам, на лице женщины расцвела лучезарная улыбка. – Вы обе выглядите безупречно. Абсолютно идеально. Хантер, цвет твоего платья восхитителен и отлично сочетается с твоим амулетом Тюра. Мерси, я волновалась, что твое платье будет слишком простым, потому что изначально оно было сшито из обычной струящейся ткани, но вышивка прелестна. Мне особенно приглянулись соколиные перья твоей богини. Оба небожителя будут довольны сегодня моими удивительными дочерьми. – Затем она стала серьезной. – Мерси, твой яблочный пирог остыл. Он по-прежнему стоит на полке около окна. Тебе нужно быстро взять его и захватить свечи. Твоя корзинка на стойке. – Эбигейл давала указания девочкам, продолжая собирать вещи из кладовой. – Хантер, твое пиво во льду в раковине. Это будет крайне занимательный способ призвать бога. Я перечитывала гримуары наших предков и не смогла найти ни единого упоминания, чтобы кто-то выбрал бога мужского пола. Ха. На самом деле удивительно, что такого не случилось ранее.

Хантер стала ковырять ноготь.

– Ты уверена, что так можно?

– Дорогая, как я говорила тебе три года назад, когда ты выбрала Тюра своим божеством, – это *твой* выбор. Нет правильного или неправильного решения. А сегодня я добавлю к нашей клятве, что ведьмам Гуд давно пора было выбрать бога, а не богиню. Это будет даже интереснее. – Эбигейл сделала паузу и смахнула длинный локон с лица. – А теперь прекрати волноваться и собери все свечи. И не забудь открывашку для пива. – Она постукивала ногой, внимательно осматривая кладовку. – О! Спички! Вот что я забыла. – Эбигейл посмотрела на своих дочерей через плечо. – Вперед! Нам нужно выходить через пять минут, чтобы успеть добраться до дерева вовремя. Брысь, мои маленькие птенчики! Кыш!

Мерси и Хантер усмехнулись друг другу.

– Только этого мы и ждали, – заметила Мерси.

Хантер кивнула.

– Ага, чтобы нас называли птенчиками и шуганули.

– Вы смеетесь над своей матерью? – Эбигейл уперла кулаки в свои округлые бедра и откинула назад густые волосы, искусно украшенные серебристо-серыми блеском – они выглядели профессионально окрашенными, но на самом деле были такими же натуральными, как ее добрая улыбка и сияющие зеленые глаза.

– Мы? – с притворным удивлением спросила Хантер.

– Даже не думай, Эбигейл! – добавила Мерси, прикасаясь к своему жемчугу.

– Зена! Девчонки опять смеются надо мной, – негодовала Эбигейл.

В мгновение ока на кухню влетел огромный мейн-кун и начал виться вокруг ног матери, укоризненно мяукая и поглядывая на сестер.

– Ладно! Ладно! Мы все поняли. – Мерси отступила, будто кошка могла наброситься на них.

– Эй, отзови ее! Отзови! – Хантер пыталась сохранить испуганное выражение на своем лице, но, когда Зена усадила свой пушистый зад на пол и начала на самом деле отчитывать их, с губ девушки сорвался смешок.

– Я знаю, что они не всегда уважают старших, – успокаивала Эбигейл большую кошку, поглаживая ее от ушей с черными кисточками до кончика пушистого хвоста. – Да, меня это не удивляет, Зена, милая.

Собирая свою корзину, Мерси задала вопрос:

– Что она сказала?

– Неважно, – ответила Эбигейл, доставая из кладовой белую свечу в большом прозрачном подстаканнике и укладывая ее в корзину. – Куда важнее то, что, по ее словам, половина школы собралась на вашу вечеринку, а это значит, что она имела успех. О, и кажется, у одной из моих дочерей завязались отношения. – Зена и Эбигейл бросили на Мерси многозначительные взгляды.

– Клянусь, эта кошка шпионит за нами, – прошипела Мерси.

– Определенно, – отозвалась Хантер.

– Ну так что? – спросила мама.

– Эбигейл, так не говорят уже несколько десятилетий. Буквально, – произнесла Мерси.

– О, меня не волнует ваша подростковая терминология. Когда мальчик дарит тебе свой перстень, у тебя появился постоянный спутник. Дай-ка взглянуть!

Мерси усмехнулась и показала перстень, свисавший с цепочки.

– Кирк подарил мне его прямо перед началом вечеринки.

– Мэгс! – Мама воспользовалась прозвищем, которое девушка носила с первого класса, когда Хантер внезапно выяснила, что означают инициалы Мерси Энн Гуд. – Какой приятный сюрприз от Кирка. – Эбигейл осмотрела кольцо, а затем хитро улыбнулась. – О-о-о, у него большие пальцы. Кстати, пока не забыла. Презервативы в кладовой. Убедись, пожалуйста, что некоторые из них переключаются в тот чемодан, который ты повсюду с собой таскаешь, а потом окажутся на пенисе Кирка.

– Да, Эбигейл, я знаю.

– Мне нужно записать тебя на гинекологический прием к нашему натуропату?

– Нет, Эбигейл. – Мерси старалась дышать, ощущая жар, растекающийся по ее щекам, и стойчески складывала коричневые и зеленые свечи в корзину рядом с яблочным пирогом.

– Дорогая, не хочешь ли ты обсудить свой клитор... еще раз? – поинтересовалась мама. Хантер задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– Да, Мэгс, хочешь?

– Нет. Спасибо. Мне вполне хватило одной такой беседы.

Мать вздохнула.

– Что ж, если у тебя возникнут вопросы, помни, что я всегда рядом и готова на них ответить. Твое удовольствие так же важно, как и его. *Не* забывай об этом. О, и приготовься к множественным оргазмам. Это семейная черта, знаешь ли.

Мерси спрятала свое пылающее лицо в корзину.

– Теперь знаю.

– Спасибо, мама! – радостно отозвалась Хантер.

– Не за что, дорогая, – счастливо пропела Эбигейл. – Ой, мне нужно взять те лоскутные покрывала. Зена, не помнишь, куда я убрала их после июльского ритуала? – Непрестанно мяукая, мейн-кун выбежал из комнаты, и Эбигейл последовала за кошкой.

– Если ты еще раз посмеешь поддержать ее разговоры о сексе, я отрежу твои волосы, пока ты спишь.

Хантер усмехнулась.

– Но ты же знаешь, как ей нравится быть полезной.

– Мне не нужна помощь в этих делах! – практически прошипела эти слова сестре.

– Мэгс, раз уж ты *встречаешься* с Кирком, этот разговор жизненно необходим.

Эбигейл спешно вернулась обратно на кухню, неся в руках стопку из трех старинных лоскутных покрывал – идеального размера, чтобы можно было в них укутаться.

– Зена знала, где они лежат. Так, на чем мы остановились? Правильно ли я расслышала, что тебе нужна помощь с Кирком?

Все еще усмехаясь, Хантер пришла на помощь сестре.

– Нет, мама, мы говорили о ритуале.

Мерси, ухватившись за новую тему, стала ее развивать.

– Да, разве нам не нужно обозначить свое намерение?

– О да, все верно. – Эбигейл повесила плетеную корзину на сгиб локтя. – Но мы займемся этим по дороге к дереву. Вперед, девочки! Хватайте свои корзины и идемте писать новую страницу в истории семьи Гуд!

Глава четвертая

Мерси и Хантер – с Зеной, вышагивающей где-то позади них, – последовали за матерью через задний двор к маленьким железным воротам, за которыми пряталась живая изгородь, разделяющая два огромных кукурузных поля. Семья из трех человек проскользнула через калитку и начала свое движение вдоль изгороди. Было уже поздно, практически полночь, но полная Розовая луна – нареченная так переселенцами несколько сотен лет назад в честь раннецветущего дикого флокса – помогала найти им дорогу.

– Перед тем как определить наше намерение, давайте обратимся к прошлому. 29 июля 1692 года наша прародительница Сара Гуд была обвинена в колдовстве и приговорена к смерти через повешение в Салеме. К счастью, в отличие от остальных несчастных, подвергшихся гонениям женщин, Сара действительно была могущественной ведьмой. Хантер, как ей удалось сбежать?

– Она околдовала тюремного охранника, погрузив его в глубокий сон. Затем фамильяр Сары, кот по кличке Одиссей... – Она замолчала, когда Зена громко мурлыкнула, вызвав у всех смех, и продолжила: – Принес ей ключи от камеры, чтобы она и ее дочь, Дороти, смогли сбежать.

– Отлично. Мерси, как Сара и ее дочь нашли путь к тому месту, которое впоследствии нарекли Гудвиллем?

Мерси и Хантер знали каждое слово этой истории. Они так же знали, как сформулировать свои намерения перед ритуалом, но девушкам нравилось рассказывать о судьбе их прародительницы, учитывая еще и то, какой счастливой становилась их мать при этом.

Когда Мерси ответила, она широко раскинула руку в стороны, и кончики ее пальцев коснулись гладкой, зеленой, влажной от росы листвы кукурузных всходов.

– Так вот, прислушавшись к предупреждающим знамениям, которые посылала ее богиня Гея, Сара закопала деньги, одежду и необходимые для колдовства вещи за пределами города. В ночь побега Сара добралась до надежно зарытого тайника, и с помощью большого опала Гея осветила ей дорогу. Она, ее дочь и их верный спутник отправились на юго-запад, следуя за мощнейшими лей-линиями. В конце концов, они присоединились к каравану, который охотно принял в свои ряды целителя. Приключение выдалось долгим и опасным, но Сара продолжала свое движение на запад, следуя за линиями земной энергии, которая становилась лишь сильнее, пока не привела их сюда, в место, которое впоследствии стало центром штата Иллинойс.

– Хорошо сказано, Мерси. – Мама одобрительно кивнула. – Сара Гуд остановилась здесь вместе с несколькими другими семьями, с которыми сблизилась во время путешествия. Гея указала, что именно в этом месте сходятся пять энергетически сильных лей-линий. Хантер, почему эту прекрасную плодородную землю не заселили раньше и обходили стороной даже коренные жители?

– Потому что их пугали обитавшие здесь монстры, которые расправлялись с каждым, кто осмелится подойти к месту пересечения земной энергии.

Эбигейл через плечо улыбнулась своей младшей дочери.

– Ты отличный рассказчик, Хантер. Мерси, почему здесь разгуливали монстры?

– Потому что на конце каждой лей-линии находился вход в то, что мы именуем иным мифологическим Подземным царством, хотя для меня это никогда не имело смысла.

– Почему нет? – задала вопрос мама.

– Ну, Эбигейл, если бы Подземное царство было мифологическим, тогда угли-бугли, – она подмигнула Хантер, – не существовали бы. А это не так.

– Они и сейчас существуют, – поправила мать. – Мы никогда не должны забывать, что находящееся по ту сторону ворот Подземного царства очень даже реально.

– Хорошая мысль, Эбигейл. Это также подтверждает мою точку зрения о том, что существование этих мест не является мифом, – сообщила Мерси.

– Я согласна, – ответила мама. – Хантер, как поступила Сара?

– Сара воспользовалась своей колдовской мудростью и придумала, как закрыть вход своеобразными вратами. Каждые врата отмечены деревом, которые она сама посадила, а каждое дерево соответствует той области мира, откуда были родом угли-бугли, – поведала Хантер.

– Правильно, – сказала Эбигейл. – Но никогда не забывайте, что деревья с самого зарождения были пропитаны магией. Сара была ведьмой природы. – Она послала Мерси улыбку, и та с гордостью улыбнулась маме в ответ. – Сначала Сара магически породила молодые саженцы. Они были созданы из плодородной почвы под нашими ногами, смешанной с ее мощнейшими магическими силами. У Скандинавских ворот из ее заклинания-призыва выросла яблоня. У греческих – оливковое дерево. Для египетских врат магическая сила выбрала дум-пальму, а у японских появилось очень молодое, податливое и плачущее вишневое дерево. Для последних ворот – индуистских – из покрытой зеленой растительностью земли поднялся бенгальский фикус. И закончив взывать к деревьям и произносить заклинание, запечатывающее врата, что она обнаружила, девочки?

Сестры произнесли в унисон:

– Деревья создали гигантскую пентаграмму!

– Точно! Поэтому вместе с другими семьями Сара основала наш город в центре пентаграммы, и в честь своей любимой целительницы его прозвали Гудвиллем. И в каждый Великий Праздник Сара возвращалась к одному из деревьев и совершала мощный защитный ритуал, чтобы врата оставались запертыми. А чем она занималась оставшуюся часть года, Хантер?

– Тем же, чем занимаешь ты, мама. Сара ухаживала за деревьями, чтобы они здравствовали и развивались, – ответила Хантер.

– Да. После этого Сара осела здесь и работала повитухой и целительницей, жила полноценной жизнью до глубокой старости. Обучала свою дочь Дороти, чтобы та заняла место матери, когда ее собственное тело примкнет к земле. Поручила своей дочери и всем последующим женщинам из рода Гуд заботиться о деревьях, которые закрывают врата в Подземное царство. Мы продолжаем дело, которое зародила Сара много поколений назад. Наши намерения не изменились. Мы воспользуемся силой лей-линий, чтобы укрепить яблоню, охраняющую Скандинавские врата. Во время ритуала мы представим, что дерево – это врата, а его мощь удерживает врата Подземного царства затворенными. Кроме того, сегодня вечером мои горячо любимые дочери озвучат вид колдовства, который решили практиковать во имя своей богини, – и бога. – Через плечо Эбигейл улыбнулась Хантер. – Ах, вот мы и на месте! Как раз вовремя.

Живая изгородь из деревьев заканчивалась травянистой поляной, где встречались четыре поля. В центре высилась толстостовольная яблоня, раскинувшая свои искривленные ветви, напоминая огромную паутину. Некоторые ветви были столь огромны и тяжелы, что Эбигейл пришлось подставить под них Y-образные деревянные подпорки. Весна выдалась необычно теплой, и яблоня в этом году зацвела гораздо раньше положенного. Но даже несмотря на то, что большинство цветков превратились в твердые маленькие зеленые шарики, в воздухе еще витал сладкий приятный аромат.

– Дочери мои, поставьте свои корзины и обувь в центр пентаграммы, а затем положите свои подношения к ногам привратника.

Яблоня и четыре магических хранителя ворот располагались на крайних точках пентаграммы. Скандинавская яблоня оказалась самым северным привратником, от которого расходились остальные деревья, формируя вершины огромной пентаграммы, в центре которой был заключен Гудвилль.

Перед деревьями находились едва заметные знаки, за которыми также ухаживала Сара и будут следить все следующие поколения ведьм. Они символизировали невидимые взгляду точки маленькой пентаграммы около каждого дерева. У Скандинавского дерева этими отметками служили четыре больших камня, обточенных временем и стихиями. Они не имели значения ни для кого, кроме ведьм из рода Гуд, которые признавали в них истинный смысл – символы вершин пентаграммы.

Изящным жестом Эбигейл обвела камни и дерево.

– И почему мы используем пентаграмму как магический символ?

– Потому что каждая точка символизирует один из пяти элементов, а это великая магия, – ответила Мерси.

– Да, и наш круг проходит через точки пентаграммы и включает все находящееся внутри, – закончила Хантер.

– Отличная работа, мои красавицы. А теперь пора начинать, – произнесла Эбигейл.

Три женщины ступили в круг и обнажили свои ноги. Затем Мерси достала из корзины яблочный пирог, испеченный для своей богини, и поставила его между выступающими корнями огромного дерева, пока Хантер открывала бутылку пива и разливала содержимое по кругу на утрамбованную землю. Затем девушки вернулись к своей матери.

– Теперь нужно расставить свечи. – Голос Эбигейл приобрел торжественный оттенок: вскоре им предстояло провести мощнейший ритуал, который защитит их самих и маленький городок от непередаваемого ужаса.

Когда девочки взяли в руки свечи, их мать извлекла из корзины длинный коробок ритуальных спичек и высокую белую свечу.

Сестры разделились: Мерси двинулась вправо, Хантер – влево, а их мама пошла прямо к большому яблоневому дереву. Дойдя до дерева, Эбигейл развернулась, чтобы посмотреть на своих дочерей, которые ставили на гладких валунах по две свечи, олицетворяющие оставшиеся четыре точки воображаемой пентаграммы. Подняв свою свечу, она чиркнула спичкой и произнесла:

– Сначала я устала белую свечу на ее законное место, на вершину пентаграммы. Белый цвет символизирует дух. И с помощью свечи я призываю свою богиню Афину, по пути которой я следую всю свою жизнь. Этот путь, в этой жизни, помог мне стать Мудрой женщиной и Ведьмой кухни. – Она зажгла белую свечу и держала ее перед собой, будто предлагая дереву.

Мерси нравилось, когда ее мама проводила ритуалы. Она всегда выглядела такой могущественной и красивой – даже немного таинственной, – когда призывала Афину и открывала священную пентаграмму с помощью спиритической свечи. От волнения у Мерси скрутило живот. Она едва ли могла поверить в то, что наконец-то пришла ночь, когда она и ее сестра присоединятся к матери для проведения ритуала – как и многие-многие дочери рода Гуд на протяжении нескольких столетий. Ночь казалась особенной, непохожей на другие. Что-то заставляло ее прислушиваться к земле и растениям, окружавшим ее, отчего по телу прокатывались мурашки. Она хотела спросить у Хантер, чувствует ли она нечто подобное, но посмотрев на сестру через пентаграмму, увидела, что та с восторженным выражением на лице взирала на полную луну.

«Хантер тоже это чувствует! Я знаю, что чувствует».

Эбигейл осторожно установила свечу перед деревом между выступающими на поверхность корнями. Затем провела линию пентаграммы до того места, где стояла Мерси. Она держала первую из двух своих свечей. Поднеся ее к матери, произнесла:

– Я помещаю зеленую свечу на ее законное место на пентаграмме. Она символизирует путь, который я выбрала, и богиню, которой буду служить.

Мать зажгла свечу, и Мерси поставила ее на камень у своих ног, после чего вместе с Эбигейл направилась ко второй свече, прочерчивая еще одну линию. Мерси нравилось ощущение

прохладной травы под ногами; но, когда она сделала первый шаг, ее нога приземлилась на что-то достаточное твердое, отчего лодыжка подвернулась, и под ногой что-то хлюпнуло, – будто она наступила на разбившееся яйцо, и жидкая субстанция просочилась сквозь пальцы. Эбигейл мгновенно ухватила Мерси за руку, придерживая, пока девушка не приняла вертикальное положение.

– Ты не ушибла ногу? – спросила Эбигейл.

Мерси опустила взгляд.

– Нет, я поскользнулась на чем-то... – Она приподняла ногу, под которой оказалось раздавленное недозревшее зеленое яблоко, заполненное червями. – Фу! – Она быстро вытерла ногу о чистую траву, вздрогнув от того, как черви извивались в гнилой мякоти яблока.

Мама посмотрела вниз, а потом резко выпрямилась.

– Все нормально. Обнули свое намерение. Все отлично.

Но Мерси заметила, как лицо ее матери побледнело, и в лунном свете кожа напоминала молоко.

Эбигейл направилась к камню, который обозначал следующую вершину пентаграммы. Мерси мысленно встряхнулась и последовала за мамой. Она сделала несколько вдохов, чтобы вновь настроиться на ритуал, и, подняв ожидавшую там свечу, провозгласила:

– Я помещаю коричневую свечу на ее законное место на пентаграмме. Она символизирует путь, который я выбрала, и богиню, которой буду служить.

Прежде чем зажечь свечу, Эбигейл обратилась к Мерси:

– Говори, дочь, и назови имя своей богини.

– Фрейя, великая Богиня любви, плодородия и прорицания.

– И по какому пути ты пойдешь вместе с Фрейей?

В голосе Мерси слышалась сила и уверенность.

– Ведьмы природы.

Эбигейл зажгла коричневую свечу и склонила голову.

– Добро пожаловать на Великий путь, Мерси Энн Гуд, ведьма природы и дочь Фрейи.

Мерси поклонилась и установила коричневую свечу на камень, символизирующий крайнюю точку их маленькой пентаграммы. Затем мать прошла через центр пентаграммы к месту, где со своей первой свечой стояла Хантер, на противоположной стороне от зеленой свечи Мерси.

Хантер протянула желтую свечу своей матери. Когда она заговорила, ее голос звучал громче, чем обычно, и Мерси почувствовала, как по спине побежала легкая дрожь предвкушения.

– Я помещаю желтую свечу на ее законное место на пентаграмме. Она символизирует путь, который я выбрала, и бога, которому буду служить.

Эбигейл зажгла свечу, которую Хантер поставила на булыжник, прежде чем направиться навстречу Мерси, чтобы завершить линию их пятиконечной звезды. Она взяла в руки синюю свечу, ожидавшую ее на последней точке, и повернулась лицом к матери.

– Я помещаю синюю свечу на ее законное место на пентаграмме. Она символизирует путь, который я выбрала, и бога, которому буду служить.

Как и в случае с Мерси, Эбигейл произнесла для второй дочери торжественные слова перед ритуалом зажигания свечи.

– Говори, дочь, и назови своего бога.

– Тюр, Бог неба.

– И по какому пути ты пойдешь вместе с Тюром?

В голосе Хантер сквозила уверенность и сила.

– Ведьмы Космоса.

– Добро пожаловать на Великий путь, Хантер Джейн Гуд, ведьма космоса и дочь Тюра.

Хантер улыбнулась, установив последнюю свечу на камень у своих босых ног. Они с Мерси обменялись возбужденными взглядами, а затем перевели свое внимание на мать, которая вернулась в центр маленькой пентаграммы к стоящим там корзинам. Женщина извлекла три лоскутных покрывала, сшитые два поколения назад их прабабушкой. Когда девочки присоединились к матери, Зена осторожно вошла в пентаграмму, громко мурлыча. Три женщины, накинувшие покрывала на плечи, и верный спутник Эбигейл присели в центре пентаграммы, освещенной ярким пламенем свечей.

Из своей корзины Эбигейл достала каменную чашу с высеченным на ней символом тройной луны, зажгла уголек, поместив его в чашу, и посыпала смесью трав. Тлеющие травы мгновенно наполнили травянистую землю благоухающим дымком. Эбигейл подожгла ветку дерева пало-санта и окурила им всех со словами:

– Благовония от ладана и дерева – символы очищения. Они изменяют энергию вокруг нас и удерживают в стороне негативное воздействие.

Помахав руками перед собой, девушки рассеивали дым вокруг. Их мать опустила тлеющую деревянную палочку в чашу к травяным благовониям.

– А теперь мы защитим себя. Я хочу, чтобы каждая из вас вообразила щит – большой, сверкающий щит. Закройте глаза. Представьте его.

Закрыв глаза, Мерси представила огромный круглый щит, в центре которого была высечена могучая яблоня, похожая на ту, что располагалась перед ней.

– Представьте, как он висит на вашей спине, чтобы никто и ничто не могло напасть на вас со спины.

Мерси представила, как ее спину прикрывает сверкающий щит, а не лоскутное покрывало.

– Мысленно нарисуйте вокруг себя круг, центром которого будете вы, – продолжила Эбигейл. – Повторяйте за мной: *«Это мое пространство»*.

– Это мое пространство, – в унисон произнесли девочки.

– *Я признаю это пространство своим*, – нараспев, продолжила Эбигейл.

– Я признаю это пространство своим, – вторили близнецы.

– Хорошо. Теперь мы готовы стать сосудами, через которые энергия земли потечет прямо к привратнику, укрепляя наше дерево и позволяя сохранить ворота к Скандинавскому Подземному царству закрытыми. Дышите вместе со мной, глубоко, вдох-выдох, на счет четыре.

Мама сделала несколько глубоких, очищающих вдохов.

– Очистите свой разум от мыслей. *Признайте* свои чувства, не задавайтесь вопросом, *почему* вы испытываете именно их. Просто вдохните, принимая это чувство, и на следующем выдохе освободите его.

Очистив свой разум, Мерси сделала глубокий вдох, и ее мгновенно охватила нервозность. Она не пыталась разобраться в своих ощущениях. Вместо этого она подумала: *«Привет, нервозность, я чувствую тебя, признаю тебя и отпускаю тебя!»*

Сделав длинный выдох Мерси почувствовала, как напряжение в плечах ослабло.

Следующий вдох наполнил Мерси страхом – страхом оказаться недостаточно хорошей, недостаточно умной, недостаточно храброй – или, что еще хуже, слишком эгоистичной, чтобы следовать по пути Фрейи. И снова она приняла возникшее чувство.

«Я принимаю его. Страх есть. Это правильно, нормально и естественно. Страх помогает. Он напоминает мне, что нужно быть умной, храброй и самоотверженной, думать о других, а не только о себе. И сейчас я отпускаю тебя, страх».

Выдохнув страх, Мерси ощутила, как болезненный узел в ее животе распустился и успокоился.

– И мы начинаем. Мы сосуды, очищенные и защищенные, готовы стать проводниками. Помните, мы не храним энергию. Мы лишь сопровождаем ее. Визуализируйте врата перед собой, глубоко внутри ствола этого древнего дерева, которое стоит за страже уже сотни лет.

Мерси зажмурила глаза и не позволяла распахнуться. Она знала, что глаза Хантер были открыты, потому что каждый Великий Праздник вплоть до сегодняшней ночи они практиковали ритуал за пределами пентаграммы, наблюдая, как их мать-ведьма использует энергию земли и направляет ее, чтобы закрыть врата. Хантер никогда не закрывала глаза и смотрела на дерево, а Мерси предпочитала представлять врата в своем воображении.

– Когда найдете образ ворот, потянитесь к земле сквозь свои тела и найдите там лей-линии, разглядите их. Какого цвета твоя линия, Мерси?

– Зеленая! – произнесла Мерси, не открывая глаз.

– Какого цвета твоя линия, Хантер?

– Темно-синяя! – ответила Хантер.

– И моя серебристо-серая, как глаза Афины. Проведите энергетическую линию вверх по телу и вытолкните ее через центр лба, чтобы она, словно маяк, освещала врата, сокрытые внутри дерева. Если врата кажутся открытыми, они закроются. Если врата кажутся шаткими, они укрепятся. Если врата кажутся маленькими, они будут расти, и расти, и расти, пока не достигнут такой мощи, и ничто не сможет пробраться сквозь них.

Мерси представила, как через землю в ее тело проникает сияющий зеленый луч света, тянется вдоль позвоночника, вырываясь наружу через третий глаз в центре лба.

Но ничего не произошло.

Мерси чувствовала пульсирующую силу лей-линий, как обычно. Даже ощущала, как энергия тянется к ней, но – вместо того чтобы наполнять ее тело пульсирующей силой – луч напоминал садовый шланг с изломами, и слабые струйки энергии поднимались по ее спине и согревали теплом, будто кто-то прижимал руку к ее пояснице.

Она крепче сжала веки и сосредоточилась на манящей энергии. Глубоко вдохнув, воззвала к своей богине: «Фрейя, моя богиня, помоги мне. Дай мне сил. Позволь направлять энергию твоей земли».

Мерси почувствовала, как тепло вдоль позвоночника растеклось, но прилива энергии не случилось, ни единого импульса. Пульсация лей-линий сменилась чем-то холодным, странным, неправильным.

Внезапно Зена зашипела и зарычала – гортанный, опасный звук, источником которого сложно было представить милую и надоедливую кошечку, которую Мерси знала всю свою жизнь.

Хантер ахнула и закричала:

– О! Тюр! Нет!

Мерси открыла глаза. Хантер сидела рядом с ней. Они сидели лицом к дереву, а их мать, скрестив ноги, расположилась напротив них. Рядом с Эбигейл Зена также развернулась лицом к дереву. Спина огромной кошки выгнулась, а ушки с кисточками прижались к голове: и она продолжала неистово рычать.

С могучего ствола дерева капало что-то отвратительное – черное, грязное и густое. Центр ствола задрожал, словно лошадь пыталась смахнуть стаю кусачих мух, но это был не скакун. Сквозь темноту пробилась морда и приняла ясные очертания: расплавленный воск затвердел, ворвавшись в этот мир. Красные глаза прорвались сквозь содрогающуюся кору. Существо было необъятных размеров: мощная мускулатура, спутанная шерсть и лапы. Дыхание сопровождалось частыми вдохами, пока оно протаскивало свое тело через поврежденную сердцевину дерева. Зловонный смрад достиг Мерси – одурманивающий от серы и гнили. Мерси почувствовала привкус желчи во рту: ее затошнило от отвращения и страха.

Создание посмотрело прямо на них и зарычало, оскалив длинные острые зубы.

Глава пятая

Эбигейл вскочила на ноги.

– Бегите! – закричала она и толкнула дочерей в темноту открытого поля.

Ноги Хантер приковало к земле. Движения матери лишь довели ее до головокружения, но не сдвинули с места. Это было нереально. Ничего из этого не происходило.

Черная, словно кожа тюленя, жидкость хлынула из дерева и забрызгала шелковистую спутанную шкуру гигантского волка, прокладывающего себе путь в их мир. Он то появлялся, то пропадал из поля зрения, пытаясь удержаться в новой реальности. Его когти оставляли на земле борозды. Зверь скалил зубы и рычал, приплюхиваясь влажным носом. Это был словно ночной кошмар, и шестнадцать лет переживаний выплеснулись из подсознания Хантер, воплотившись в эту выдуманную версию грядущих событий.

Хантер потянулась к Мерси. В любом кошмаре она могла ухватиться за сестру или разбудить себя. Ее пальцы встретили пустоту. Ничего, кроме весеннего воздуха и гортанных стонов рвущегося на свободу зверя. Хантер обернулась. Ветерок колыхал юбку платья цвета слоновой кости Мерси, когда она, последовав указаниям матери, бежала вперед. Но Мерси не могла бросить ее. Такого никогда не случалось. Ни во снах Хантер, ни тем более в кошмарах.

Оглянувшись, Мерси резко остановилась.

– Хантер! – пронзительно закричала она и устремила взгляд огромных округлившихся глаз, наводненных ужасом, на сестру.

Происходящее было слишком реалистичным. Хантер ощутила за своей спиной монстра. Почувствовала, как сгущается затхлый воздух; услышала, как хлупает потусторонняя жидкость, пока неземное творение прорывается в человеческий мир. Она не могла отвернуться, не могла заставить себя двигаться. Ритуал должен был пройти мирно и сказочно, стать началом долгих лет счастья и света. Что такого она сделала, чтобы заслужить нечто подобное?

– Убирайся, мерзкое чудовище! – прорычала мать сквозь ритмичное потрескивание заряженного ночного воздуха.

Хантер слышала, как тяжелые шаги зверя давят гнилые яблоки и с шумом ударяются о землю. Она резко развернулась, чувствуя, как пульс гулко отдается в ушах.

Эбигейл схватила белую свечу и подняла ее в воздух.

– Афина, я взываю к тебе! – Волк затаился, прижав свои уши к влажной шерсти. – Дай мне силы в этой битве! – В движениях шелестящего ветра Эбигейл зажгла спичку. Она оставляла за собой шлейф мерцающего оранжевого света, который прорвался сквозь черное небо и, словно разорвав страницу, озарил все пространство своим сиянием. Магия услышала призыв Эбигейл, но Афина не появилась.

Силуэт зверя замелькал, пока его взгляд метался от дерева к пылающей дуге и возвращался к Эбигейл. Чудище оскалило смоченные слюной зубы и понеслось вперед, когда ведьма из рода Гуд поднесла горящую спичку к фитилю свечи. Женщина обхватила ее двумя руками, держа его перед собой.

– Афина! Я взываю к тебе, моя богиня, моя защитница! – Пламя взметнулось к небу, осветив небольшое пространство на земле.

Верхняя губа волка завибрировала от рычания, и зверь бросился в сторону Эбигейл. Он мелькал то в одном, то в другом месте, а его гигантская лапа ударила женщину, отшвырнув ее в сторону. Она стукнулась о землю и обмякла, словно тряпичная кукла.

Хантер потянулась к ней руками, и крики задушили нити страха, сковывающие шею.

– Убирайся! – все-таки смогла выдавить она, когда создание ткнулось в Эбигейл мордой невероятных размеров.

Уши зверя дернулись в сторону звука. Он поднял свою массивную голову и выпустил струю воздуха, пропитанного слизью. Во рту у Хантер пересохло, язык превратился в неподвижную склизкую субстанцию, спрятанную за зубами. Пасть волка искривилась. Магический свет окрасил его зубы в сверкающий оранжевый, когда он переступил через Эбигейл и бросился на Хантер.

Где-то позади Хантер шлепали по земле босые ноги Мерси, пока она пыталась убежать от монстра. Хантер споткнулась об опавшие яблоки. Ее руки взлетели в воздух, ноги разъехались, и она рухнула на траву. Зверь бросился вперед, и Мерси обхватила сестру за грудь, спрятавшись за спиной. Хантер зажмурила веки и выставила руки перед собой. Для них обеих настал конец. Из горла вырвался всхлип, когда горячее, зловонное дыхание откинуло назад прядь упавших на щеку волос.

Клыки вонзились прямо в предплечье Хантер. Острая, жгучая боль сдавила легкие. По зубам монстра сочилась горячая и влажная кровь, пока они погружались в плоть девушки. Грудь Мерси сотрясалась от дрожи, прижимаясь к спине близняшки, она выкрикивала какие-то слова, но отдающий в ушах пульс Хантер превращал их в шепот.

Зена оказалась рядом в то же мгновение. С ревом бросилась на зверя. Ее вопль расколол ночь, когда она прыгнула на морду волка и вонзила свои когти в его кожеподобную морду. С рыком, от которого у Хантер затряслись поджилки, монстр отпустил руку девушки и с возмущением отпрянул назад. Он замотал головой из стороны в сторону. Зена слетела с его лица. Перекувыркнувшись в воздухе, она ударилась о ветку дерева и приземлилась на траву с истошным воплем.

Волк вновь устремился в сторону Хантер и ее сестры. Он возвращался, чтобы закончить свое дело и прервать родовую линию семьи Гуд, прежде чем новое поколение вступит в свои права.

Душераздирающий крик пронзил ночь. Волк задрал голову и повернулся в сторону магического разлома, горящего посреди черного неба. Хантер стиснула ладонь Мерси, когда холодный весенний воздух стал горячим и осязаемым. Раздался еще один пронзительный вопль, и разлом стал еще шире. Сквозь который просочился филин, его перья были такого же мерцающего оранжевого оттенка, как и дорога в потусторонний мир. Массивные крылья порхали в воздухе, когда птица бросилась на волка. Когти вонзились в плоть зверя, и кровь хлынула из спины.

Филин покружил над Хантер и Мерси и, издав очередной крик, приземлился на землю рядом с матерью близнецов.

Кровь сочилась из ран волка, пока он поворачивался, выслеживая птицу. Филин подскочил к Эбигейл, поднял клюв к нему и пронзительно завыл. Из разлома в ночном небе появилась огненная молния и поразила грудь Эбигейл. В одну секунду ее тело поглотили оранжевые языки пламени. Волк затих, когда Эбигейл поднялась на ноги, а филин устроился на ее плече.

– *Фенрир*⁷! – Неизвестный голос наложился на тембр Эбигейл, и в ее руке вспыхнуло горящее копьё. – *Этот мир тебе не принадлежит!*

С рычанием Фенрир стряхнул кровь со своей шкуры и устремился в сторону Эбигейл, игнорируя сестер. Эбигейл, благословленная огненными и потусторонними силами своей богини, направилась к древнему яблоневоу дереву, возросшему из магии Скандинавского Подземного царства.

Мерси помогла Хантер встать на ноги и, стиснув руку сестры в своей ладони, потянула ее в сторону Зены. Кошка вилась возле ног девушек, уводя их подальше от матери и волка, который вырвался из своего мира и не мог удержаться в их, попеременно мерца.

⁷ Фенрир – огромный и сильный волк в скандинавской мифологии.

Мерси отпустила руку Хантер и, подхватив Зену, бросилась бежать. На этот раз Хантер поддержала порыв сестры. Ее легкие горели, пока она большими вдохами глотала заряженный магией воздух.

– Я изгоняю тебя обратно в Подземное царство! – Голос Эбигейл раздавался словно гром в ночном небе. Он врезался в спину Хантер, и она обернулась в тот самый момент, когда ее мать метнула копьё. Оно угодило в плечо волка и отбросило его к дереву. Фенрир мерцал, борясь за свою свободу. Завывал, брыкался и царапался, но острое пронзило волка насквозь, пригвоздив к стволу дерева.

Дурное предчувствие сковало желудок Хантер. Она оставила Мерси и Зену и устремилась обратно. Воздух покинул ее легкие, когда она, замедлив шаг, остановилась рядом с матерью. Теперь она могла все разглядеть. Глубокую рану на виске Эбигейл. Как подобно мокрой одежде, развешанной на веревке, свисала кожа. Афина подпитывала ее, помогала устоять на ногах, но мать Хантер больше не принадлежала этому миру.

– Хантер! – Голос Афины затмил собой Эбигейл, отчего по задней части шеи поползли мурашки. – Что-то не так с вратами! Не жди солнцестояния, чтобы исправить их. Обещай мне!

Хантер моргнула сквозь подступающие слезы.

– Я обещаю!

Эбигейл взглянула на пригвожденного к яблоне волка, силуэт которого продолжал мерцать под угрозой смерти. Затем она повернулась и посмотрела мимо Хантер на Мерси, споткнувшуюся о Зену, которая изо всех сил старалась удержать девушку на безопасном расстоянии.

– Позаботься о своей сестре, – произнесла Эбигейл. – Вы будете нужны друг другу сильнее, чем когда-либо.

Хантер закричала, когда Фенрир ухватил развевающуюся юбку платья Эбигейл и потянул ее к себе. Зверь разорвал одежду Эбигейл. Его зубы вонзились в спину, и ткань окрасилась в алый цвет.

Филин пронзительно завыл, а Эбигейл, обернувшись к Фенриру, приложила свои ладони к косматой шерсти зверя. Он вспыхнул как сухая щепка.

Боевой клич Афины заглушил крики Эбигейл, и пламя поглотило мать Хантер вместе с монстром.

Колени Хантер подкосились, и она рухнула на землю, – пламя погасло, и разлом в небе исчез так же быстро, как и появился. Слезы обжигали щеки Хантер, из ее разодранного предплечья сочилась кровь. Теперь она просто будет окроплять землю, пока время в этом мире не закончилось.

Хантер не могла издать ни звука, Зена с рычанием кружила вокруг обугленных останков женщины, которая привнесла так много света в этот мир. От Фенрира, так и не закрепившегося в этом мире, не осталось и следа. Мерси бросилась к дереву, на котором не осталось ни единого напоминания об их потере. Подбородок Хантер дрожал, пока девушка наблюдала, как ее сестра сползает по стволу в траву рядом с прахом матери.

Может быть, они останутся на поляне у подножия яблони и позволят нежному иллиной-скому ветру стереть их с лица Земли.

Глава шестая

Шериф Дирборн поднес к губам термокружку с символикой «Чикагских медведей» и подул в округлый вырез на оранжевой крышке, прежде чем сделать глоток. Лесной орех. Любимый вкус Дирборна. Он причмокнул губами, подул в темно-синюю кружку, остужая напиток, и отпил еще немного. Триш добавила лишний пакетик сахара, хотя прекрасно знала, что он пытается сократить потребление сладкого.

Он оставил кружку с кофе, приближаясь к последнему светофору Гудвилля. Красный свет окрасил капот его бело-золотой патрульной машины в бледно-малиновый оттенок. Толстые огрубевшие пальцы забарабанили по рулю в ожидании зеленого сигнала. Дирборн заметил всего несколько проезжающих мимо машин во время своего ночного патрулирования. Машины, переполненные подростками, с опущенными стеклами, из которых высовывались пассажиры, одаривая шерифа большими, глупыми и, если быть честным, откровенно пьяными улыбками. Водители же были сосредоточены на дороге, а остальное их не касалось. Шериф не имел привычки задерживать детей за то, что они ведут себя как дети. Для этого были родители.

Сигнал светофора сменился на зеленый, и Дирборн съехал с оживленной Центральной улицы и погрузился под одеяло темноты, которое накрывало кукурузные поля и сельские дома. Он сделал еще один глоток кофе и вытянул шею, чтобы взглянуть в небо. Пока он, сидя в своем кабинете, заполнял дневные рабочие бумаги, неожиданно набежали тучи. Еще глоток. Именно в тот момент Триш приготовила для него кофе. Сладкий-сладкий кофе. От милой, прекрасной Триш. Дотянувшись до рации, прикрепленной на плече его униформы, он нажал на кнопку.

– Два сахара?

Триш ответила мгновенно:

– Я подумала, что, если сахар добавляешь не ты, это не будет считаться обманом. – Голос диспетчера прозвучал ясно и четко, словно новая «Алекса», которую недавно в доме установил племянник, последовала за ним в машину.

Дирборн возился с кнопками на своей рации. Проклятое устройство всегда было слишком мало для его рук.

– Ты слишком добра ко мне, Триш.

– Не радуйся раньше времени, шериф. Я только что разговаривала по телефону со стариной Эрлом Томпсоном. Он рыскал по полям рядом с Квакер-Роуд. Сказал, встретит тебя там. Он также сказал: «О, черт возьми, что у меня тут приключилось...» – Бумаги шелестели, пока Триш просматривала свои записи.

В диспетчерском пункте Триш царил беспорядок, сплошь и рядом были расклеены стикеры, расставлены origami в виде домашних животных и фото ее йоркширского терьера Пеппер. За годы работы Дирборн усвоил, что хороший лидер не заставляет свою команду вписываться в определенные рамки. Он позволяет им быть самими собой. Он погладил пальцами желто-оранжево-синий стикер «Будь собой», наклеенный в центре руля. Они с Мэттом Наги⁸ не могли ошибаться.

– Если бы это была змея, она бы меня укусила. – Смех Триш разнесся по патрульной машине, как звон колокольчиков на ветру. – Старина Эрл сказал, что *«у старой оливы раздаётся какой-то шум»*. – Понизив тембр, спародировала она голос старика. – *«Хотя я не удивлен. Кто сажает одно-единственное оливковое дерево в округе? Чокнутый и покалеченный, вот кто. У меня мурашки от этого дерева всю жизнь»*. Которая, вероятно, никогда не закончится. – Она сделала паузу. – Последнюю часть я добавила от себя.

Широкая грудь Дирборна затряслась от смеха. Триш всегда заставляла его смеяться.

⁸ Мэтт Наги – главный тренер профессионального клуба по американскому футболу «Чикагские Медведи».

– Я надеялся закончить свою смену сегодня вечером, хм... – Он взглянул на часы: 02:36. – Этим *утром*, но я в паре минут от места. Съезжу туда и проверю, что там за шум.

Шериф включил дальний свет, все сильнее погружаясь в ночную темноту.

– Как думаешь, почему они посадили только одно оливковое дерево сотни лет назад? – Бумаги продолжали шуршать, пока Триш задавала вопрос, а Дирборн представлял, как она заставляет маленькие квадраты принимать форму очередного животного для своего настольного зверинца.

Он снова отпил из своей кружки и позволил сладкому лесному ореху доставить наслаждение вкусовым рецепторам, размышляя над вопросом Триш. Он никогда особо не задумывался об этом. В старшей школе ходил на вечеринки, которые устраивали около стареющей оливы, или одинокой яблони на другом конце города, или рядом с единственным вишневым деревом, или пальмой, что окружали Гудвилль. Всегда чувствовал себя сильным и защищенным невидимой силой, находясь вблизи этих деревьев. Но напои любого подростка алкоголем, и он, скорее всего, почувствует себя Суперменом. Теперь, будучи старше и намного, намного мудрее, Дирборн ощущал себя как одно из тех одиноких деревьев – выжидающим, оберегающим, состарившимся.

Шуршание страниц снова раздалось в рации.

– Мне кажется, это довольно интересно, – хмыкнула Триш. – Добавляет некую изюминку, которую не встретишь в любом другом городке. Хотя вряд ли основатели города преследовали именно эту цель, когда сажали их...

– Я склонен согласиться с тобой, Триш. – Это были далеко не самые честные слова, которые он мог бы сказать. Дирборн был *склонен соглашаться* с людьми гораздо чаще, чем на самом деле соглашался с ними, но порой маленькая невинная ложь помогала сохранить мир и укрепить доверие. А команда – ничто без доверия.

Мигалка патрульной машины шерифа Дирборна осветила ночное пространство праздничными отблесками, когда он свернул с главной дороги на ухабистую тропу, ведущую к древней оливе. На пассажирском сиденье то и дело дребезжала аптечка, когда патрульная машина пробиралась по гравии. Дирборн скривился, стараясь больше объезжать выбоины, а не попадать в них. Он приблизился к припаркованному сверкающему красному грузовику Эрла, и лучи фар осветили корявый ствол оливкового дерева, словно он был судном в открытом море, а Дирборн – маяком.

Он потер шею, в которой начинала нарастать боль. Его старая футбольная травма, оставшаяся со времен университетской жизни, всегда напоминала о себе, когда он проезжал по грунтовым дорогам. Ему вновь придется переговорить с мэром. На окраинах тоже необходимо следить за порядком, а не только в пределах города.

– Не понимаю, зачем ты утруждаешь себя проверкой всего, о чем сообщает старина Эрл, – сказала Триш, возвращая его к насущным делам. – Учитывая к тому же твою шею. По моим подсчетам, это уже тридцать второй случай, и только в этом году. Старина Эрл может побить прошлогодний Шумовой рекорд.

Шумовой рекорд. Чисто выбритые щеки Дирборна расплылись в улыбке. Еще одна вещь, которая загромождала рабочее место Триш. Она оформила небольшой плакат вычурным каллиграфическим почерком, чему научилась на одном из уроков искусства в новом ремесленном магазинчике «Блеск и клей». Когда Дирборн возвращался в полицейский участок после очередного вызова Эрла, он любил наблюдать за Триш, которая с неподдельным восторгом выбирала, какой из своих многочисленных стикеров добавить на плакат. Мелочь, возможно даже ребячество, но они разделяли это только друг с другом.

Он притормозил около грузовика Эрла и припарковал свою машину.

– Возможно, у нас появится повод открыть новую упаковку стикеров, которые ты недавно купила. Большие серебристые звезды, похожие на диско-шары, верно?

От раздавшегося смеха Триш его грудь сдавило.

– О, попалась. – Она захихикала. – От твоего зоркого сыскного таланта невозможно ничего скрыть. Но я просто *не могу* держаться подальше от этого проклятого ремесленного магазинчика.

Дирборн нашел в аптечке упаковку аспирина и проглотил пару таблеток, прежде чем отстегнул ремень безопасности и резко открыл дверь.

– Если Эрл собирается побить прошлогодний рекорд, нам понадобятся все стикеры, которые мы сможем достать.

Он отстегнул фонарик от ремня на поясе и посветил в заднее окно грузовика. Пусто.

Бодрящий ночной ветерок донес до него едва уловимый едкий запах дыма. Он глубоко вдохнул и последовал за запахом по траве, удаляясь от дерева, грузовика и предполагаемого шума.

Дирборн поморщился, согнув шею, чтобы заговорить в рацию.

– Здесь кто-то курил, вероятно, дети. Я подойду поближе, хочу удостовериться, что они не оставили после себя окурков. Не хочу, чтобы все поле вспыхнуло ярким пламенем.

– Десять-четыре⁹. – Триш замолчала на какое-то время, а потом вернулась в эфир, ее голос казался легким и звонким, как у болтушки, которая только что наткнулась на свежую порцию городских сплетен.

– Знаешь, старина Эрл изменился с тех пор, как Дебби бросила его ради велоинструктора из Чикаго.

Капли дождя хлестали по спине Дирборна, а трава колыбалась между его лодыжек. Каждый порыв ветра, налетающий на открытое поле, приносил с собой отчетливый плеск волн с побережья. Приостановившись, Дирборн наслаждался моментом, а затем вновь устремился к своей цели.

– Это случилось примерно через год после того, как в город пустили поезд, – продолжил мужчина, освещая фонариком пухлые макушки травы. – Сколько уже прошло, лет пять?

Новый пригородный поезд, курсировавший из Чикаго через Джолиет, Блумингтон, Эрбан-Шампейн, Рантул и Канкаки, а затем пересекавший Гудвилль пополам, повлек за собой целый ряд перемен. Спас город от участи, постигшей многие небольшие населенные пункты на Среднем Западе, и привез процветающие магазины и вагоны поезда, заполненные утомленными пассажирами, которые отчаянно нуждались в неторопливом ритме живописного Гудвилля. И пригородный поезд привел сюда Триш. У Дирборна не было ни единой претензии.

Зашелестели бумаги, и голос Триш ворвался в эфир рации.

– В августе этого года будет пять лет. Знаешь, старина Эрл входил в состав Правления, которые решили пустить поезд через Гудвилль. Не случись этого, Дебби осталась бы дома, а тебе не пришлось бы разбираться со старым дурнем, который звонит почти каждый день и посылает тебя по ложному следу. Если дело не в невезении Эрла, то я не знаю, что и думать.

Остановившись, Дирборн принялся. Запах исчез. Он сделал несколько шагов вправо, к пустому грузовику Эрла, дороге и оливковому дереву, и вновь втянул воздух. Дым снова наполнил легкие мужчины. Дернув носом, он последовал за запахом, словно бассет-хаунд.

– Да уж, бедный Эрл, – пробормотал он в рацию, выбравшись из травы и ступив на дорогу.

– Бедный Эрл? Если не возражаешь, я бы сказала «бедный ты». – Она вздохнула. – Сколько я тебя знаю, ты и близко не приблизился к тому, чтобы найти свою собственную Дебби.

Гравий хрустел под его ботинками, пока он пересекал яркие лучи света автомобильных фар.

– Мне не нужна Дебби, Триш. У меня есть ты.

⁹ Десятичный код ассоциации средств связи и общественной безопасности США, имеющий значение «Сообщение принято».

Сквозь постоянные помехи он практически слышал, как по ее пухлым щекам расплзался румянец. Он почесал затылок, когда жар охватил и его.

Дирборн прочистил горло и нажал кнопку рации.

– Я свяжусь с тобой, как все проверю. Я направляюсь напрямик к оливковому дереву. – Еще раз принялся. – Возможно, на этот раз Эрл наткнулся на что-то настоящее.

– Ему бы это пришлось по душе. – Триш хмыкнула. – Будь аккуратен там.

Связь оборвалась, и Дирборн направился к заросшему травой участку. Он смахнул капли дождя с лица и потер кончик крючковатого носа. Чем ближе подходил к дереву, тем сильнее становилась вонь. От нее закладывало нос, а глаза наполнялись слезами.

– Эрл, – позвал мужчина, водя фонариком по траве. – Куда ты запропастился?

Позади него хрустнул гравий, и мужчина обернулся. Он прищурился, сморгнув непрошеную слезу.

– Эрл? – вновь окликнул он, освещая свою машину, грузовик Эрла и обочину дороги. Белый свет отразился от чего-то блестящего. Волосы на затылке Дирбона встали дыбом. Во рту пересохло, а пальцы нащупали кобуру с пистолетом. Глаза горели, слезы, дождь и сопли текли по щекам, пока он быстро и ловко приближался к сверкающему металлу.

У шерифа Дирборна скрутило живот, когда перед его взором предстала ужасающая картина. Пряжки на подтяжках Эрла мерцали в лучах фонаря, словно пойманные в ловушку жуки. Пальцы старика проглядывали сквозь высокую траву, будто бы он лежал на земле, умиротворенно глядя в грозное ночное небо. Желчь обожгла горло Дирборна, когда он посветил на лицо Эрла. Кровь струилась по морщинистому лбу и щекам, а капли дождя скапливались в красных впадинах, которые когда-то были глазами.

Во рту шериф Дирборн ощутил привкус лесного ореха, тошнота подступила к горлу, и он прижал руку ко рту. Он считался лидером, а после подобной смерти – после такого преступления – город будет нуждаться в нем, в его силе и способностях к управлению.

Шериф наклонился к рации.

– Триш, отправь «Скорую помощь» на Квакер-Роуд и разбуди Картера. И подними коро-
нера. Всех! Нам нужно... – Веки Дирборна сомкнулись, когда запах дыма усилился.

Позади него раздались шаги.

Дирборн раскрыл кобуру и достал пистолет.

– Кто здесь? – Навернувшиеся слезы затуманивали его взор. – *Кто здесь?*

В свете фонарика проскользнула тень, и трава захрустела под тяжелой поступью ног.

Едкий, жгучий запах был явственно осязаем, а протяжный треск электричества хлестал по глазам и ноздрям. Дирборн открыл рот, чтобы выкрикнуть команду, но внезапно шелкающие импульсы пронесли мимо его приоткрытых губ. Его пистолет и фонарик ударились о землю, а сам он опустился на колени и схватился за горло.

– Шериф, у тебя все хорошо? – спросила Триш темную и дождливую ночь. – Шериф? – Ее голос напрягся от паники. – *Фрэнк?*

Глава седьмая

Веки Хантер царапали глаза словно наждачная бумага, когда она моргала. Слез больше не осталось. Она не знала, что такое возможно. Не ведала до прошлой ночи. Или все случилось утром? Она прикрыла глаза рукой и, прищурившись, подняла взгляд к серому, затянутому тучами небу. В предрассветные часы прошел дождь – единственное подтверждение того, что мир потерял великую душу Эбигейл Гуд.

Сетчатая дверь со скрипом приоткрылась, и из дома вышла Мерси. Она шаркающей походкой прошла по крыльцу и спустилась по ступенькам. Издавала звук – нечто среднее между стоном и вздохом – и плюхнулась на нижнюю ступеньку рядом с Хантер.

Хантер поморщилась, проведя пальцами по кровоточащей ране на руке. По крайней мере, она *не потеряла* способность чувствовать.

Мерси положила телефон на пространство между их ногами и опустила голову на плечо Хантер. Из раскованной молодой девушки Мэгс превратилась в уставшего, придавленного проблемами, словно стальной наковальней, взрослого человека. В этом и заключался феномен горя. Как одних он превращал в сильных и независимых, а других – в растерянных и неузнаваемых. Хантер потерлась щекой о волосы Мерси. Все-таки здорово, что сестра была рядом и не позволяла ей сорваться в пропасть.

Завибрировал телефон Мерси, и она подняла его с камня.

Хантер отвела взгляд от экрана. Ей было невыносимо читать соболезнования о своей матери. Они были слишком весомыми, слишком необратимыми.

– Кирк? – спросила Хантер, и большие пальцы Мерси запорхали по экрану.

Ее сестра кивнула, и телефон вновь пиликнул.

– И Эмили?

Еще один кивок.

Хантер накрутила на палец кончик своего хвоста.

– Они скоро будут здесь. – Это был не вопрос. Он и не требовался. Если сестрам нужны были друзья, они всегда находились рядом. В кармане Хантер звякнул телефон. Джекс. Она знала, что Мерси сообщила ему о случившемся. Даже в трауре ее сестренка могла быстро разнести весть.

Бело-золотистая патрульная машина шерифа свернула с Центральной улицы, направляясь к их дому. Хантер поднялась на ноги, когда машина остановилась, и заместитель шерифа Картер выбрался с водительской стороны, поправляя на голове коричневую ковбойскую шляпу, без которой не выходил из дома. Мерси встала рядом с Хантер, словно ее зеркальное отражение. Заместитель жестом попросил шерифа Дирборна присоединиться к нему.

Ботинки Картера скрипели по мокрой траве, пока они вместе с шерифом направлялись к близнецам и кроваво-красному крыльцу, не сумевшему защитить их мать.

Заместитель, сняв шляпу, потер большим пальцем ее поля и посмотрел на Хантер и ее сестру. Эмили часто вспоминала заместителя шерифа Чейза Картера и то, какой он очаровательный с его округлыми серыми глазами и губами, застывшими в вечной полуулыбке. Но сегодня не было повода для улыбок. Все мальчишеское обаяние Картера смыло дождем.

– Девочки, я соболезную. Мы все любили вашу маму. – Он сделал паузу и, прочистив горло, подтолкнул шерифа локтем.

Шериф проворчал и снял солнцезащитные очки.

– Да, вашу маму. Мы любили ее. Она была... э-эм, женщиной. – Взгляд карих глаз Дирборна скользнул по Хантер, и уголок его губ дернулся. – Ныне покойной.

У Картера вырвался сдержанный лающий кашель, и он вернул свою шляпу на голову, спрятав коротко подстриженные волосы.

– Мне очень неприятно это делать, но мы должны в последний раз пройти по трагическим событиям прежде, чем закрыть дело Эбигейл. – Из нагрудного кармана он достал ручку и небольшой блокнот и, перелистнув несколько страниц, добрался до нужной. – Мерси, именно ты позвонила в 911.

Волосы Мерси рассыпались по плечам, когда она кивнула. Девушка заправила локоны за ухо и пробормотала какое-то слово, но ни звука не сорвалось с их губ. Она не разговаривала с тех самых пор, как они вернулись домой. Слов не находилось, чтобы можно было описать чувства каждой из них. А если и были бы, то Хантер не желала их слушать.

Кадык Картера дернулся, когда он напряженно сглотнул.

– Я прошу прощения за то, что вам приходится заново это переживать. – Он постучал ручкой по блокноту.

Хантер переплела пальцы Мерси со своими. Вместе они становились сильнее, а сейчас Хантер как никогда нуждалась в поддержке.

– Вы втроем отправились на пикник. – Он снова взглянул на свои записи. – Верно?

– Верно, – в унисон произнесли близнецы.

Хантер проигнорировала шерифа, беспокойно дергавшегося в стороне, и обратилась непосредственно к заместителю Картеру.

– Полночные пикники – наша семейная традиция. Мы устраиваем их на каждый день рождения.

По бледной щеке Мерси скатилась слеза, и сдавленный всхлип вырвался из груди.

– Мы *устраивали* пикник каждый год.

Хантер крепче сжала руку сестры в своей ладони. Она была достаточно сильной ради них обоих.

– Именно поэтому у нас с собой были свечи и благовония... Это часть традиции. – Мурашки пробежали по ее рукам, и девушка вздрогнула. Тот волк сделал все, чтобы у сестер Гуд больше никогда не было настоящего праздника.

Нахмутив брови, заместитель что-то записал на листе бумаге.

– Это именно те свечи, из-за которых разгорелся пожар? Пламя которого...

Всхлип Мерси взорвал пространство между ними.

– Она мертва!

Хантер напряглась, пытаясь удержать оседающую на землю сестру. Мерси не была создана для горя или травм. До этого момента это бремя всегда ложилось на плечи Хантер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.